

ЛЕСИЯ КОРНУОЛЛ

На этот раз~ да!

МАРМ

Лесия Корнуолл
На этот раз – да!

«АСТ»

2014

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Корнуолл Л.

На этот раз – да! / Л. Корнуолл — «АСТ», 2014

ISBN 978-5-17-093417-1

Юная шотландская аристократка Меган Макнаб и английский лорд Кит Россингтон решили, по древней горской традиции, пожениться временно, на год и один день, лишь бы избежать настойчивости родни, буквально навязывавшей им «прекрасные партии». Разумеется, их браку предстояло оставаться чистой фикцией, которая поможет отчаянной парочке в поисках таинственных сокровищ «проклятого замка» Глен-Дориан... Но существуют ли эти сокровища? Быть может, легенда о них – всего лишь фантазия, в отличие от исходящей от замка вполне реальной опасности? А может, Меган и Кит, сами того не подозревая, уже обрели величайшую из драгоценностей – любовь друг к другу, которая лишь закалится их совместными приключениями?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-093417-1

© Корнуолл Л., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	20
Глава пятая	25
Глава шестая	30
Глава седьмая	37
Глава восьмая	47
Глава девятая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лесия Корнуолл
На этот раз – да!
Роман

Lecia Cornwall

Once upon a Highland autumn

© Lecia Cotton Cornwall, 2014

© Перевод. А. М. Медникова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Пролог

*Глен Дориан
1817 год*

– А в этой сказке все правда?

Дункан Макинтош устремил взгляд на лицо ребенка.

– В каждой сказке есть правда, парень. Но это вовсе не сказка – это история твоего клана. Ты усомнился в моих словах?

– Но как дракон мог съесть всех жителей деревни? – спросил мальчик.

Ребенок, вопреки ожиданиям старого шотландца, не испугался его зверского выражения лица, чем откровенно раздосадовал рассказчика. Тогда Макинтош поднял над головой руки, и клетчатый плед образовал вокруг него некое подобие зловещих крыльев. Он слегка отстранился от огня, глаза его таинственно блеснули, а на лицо легли зловещие тени.

– Вот он, дракон! – в ужасе вскричал мальчик, цепляясь в страхе за материнские юбки.

Старый шоннекайд¹ клана Макинтош сел, и лицо его, вновь озарившись сполохами огня, тотчас смягчилось. Его узловатая рука легла на плечо мальчика.

– Ох, да не пугайся ты так, парень! Сказка – она для забавы. Такая работа у шоннекайда – хранить сказания клана и рассказывать их. Даже такие вот... почти правдивые, про драконов. А давай-ка расскажу тебе совсем правдивую историю, а?

Ребенок капризно выпятил нижнюю губу:

– А в ней будут драконы?

– Нет. История о прелестной деве по имени Майри Макинтош, ее храбром лэрде и одном солдате. Про драконов в ней нет ни слова... ну, если не считать грозного герцога Камберлендского.

– А кто это такой? – спросил мальчик.

– Он был нечестивым сыном короля. Явился, чтобы покорить клан Макинтошей и всех прочих горцев.

Глаза мальчика распахнулись во всю ширь:

– История про кровь, мечи и смертоубийства?

Дункан насупился:

– Боюсь, об этом там будет даже с избытком... Ты боишься?

Мальчик отрицательно замотал головой и спросил:

– А про поцелуи там будет?

Лоб старика разгладился и старый Макинтош рассмеялся:

– Ага, будет... немного.

– А чем кончается рассказ?

– Не знаю. Потому что история еще не окончена.

– Ты что, еще не придумал конца истории? – возмутился ребенок.

Дункан поджал губы:

– Я тебе уже сказал, что это правдивое сказание, а вовсе не выдумка! Такие истории сказываются долго, парень. И конец сказки не возьмется ниоткуда – скажем, из воздуха... Случается некое событие, служащее началом сказания, – и порой это событие ужасно, а затем остается просто терпеливо ждать исхода. Я понятно объясняю?

– Думаю... да.

---

¹ Хранитель традиций рода, бард, поэт и сказитель (*гэльск.*). – *здесь и далее примеч. пер.*

– Хорошо. Тогда придется тебе слушать внимательно и запоминать, чтобы в один прекрасный день самому пересказать эту историю. В этой долине жило великое множество Макинтошей до твоего да и до моего рождения – и я намерен позаботиться о том, чтобы ты узнал о каждом, прежде чем я покину этот мир. В один прекрасный день ты будешь вот так же сидеть у огня, парень, и рассказывать древние предания своим сыновьям, потом внучатам – а затем наступит и их черед...

Мальчик оглянулся на озеро Лох-Дориан, названное в честь выдр, искони тут водившихся. Воды его мерцали в свете луны, черные и таинственные.

– А я узнаю конец этой истории? – спросил ребенок, отойдя от матери и положив ладошку на колено Дункана.

– Надеюсь, что да. А сейчас тебе предстоит узнать ее начало.

Старый шоннекайд усадил ребенка себе на колени, поцеловал его в темноволосую макушку и оглядел прочих слушателей – вокруг сидело с полдюжины горцев из клана Макинтош, не считая женщин и детей. Этим летним вечером все они расположились вокруг пылающего огня, чтобы послушать старые сказки под светом звезд, как делали это с давних пор все Макинтоши...

Дункан устремил взор на языки пламени, словно видел там картины давнего прошлого. Остальные придвинулись ближе к сказителю, и он начал свой рассказ:

– Это сказание о любви и ненависти, о войне и милосердии. Все началось много лет назад, во времена давней войны, когда кланы поднялись на битву за светлейшего принца Карла Стюарта, и пока они выбирали, на чью сторону встать, много чего приключилось – ужасного, устрашающего, – и тени этих событий по сей день витают над долиной... и нависает над ней тень проклятия...

– Проклятия Майри... – раздался чей-то испуганный шепот, и по толпе слушающих пробежал ропот.

– Да, – кивнул Дункан. – Проклятия Майри. Слушайте же. Я поведаю вам все, что знаю... но то самое проклятие и поныне витает над долиной, ожидая дня, когда явится некто и уничтожит его, и тогда любовь и счастье вновь воцарятся в Глен Дориан.

– И поцелуй? – спросил ребенок.

– И поцелуй тоже, – согласился Дункан и продолжил свой рассказ.

Глава первая

Леди Меган Макнаб стояла у подножия старой Гленлорнской башни, глядя на долину. Лето было в зените – в той благословенной поре, когда буйная зелень лишь готовится уступить место золотой осенней роскоши. Меган жадно ловила каждую деталь – старинную башню, новый замок, озеро, облака, осеняющие вершины гор, кольцом обступивших долину, – и вздыхала. Она будет скучать по здешней осени, но весной вновь возвратится сюда – и никогда, никогда более не оставит родного дома, кто бы чего от нее ни ожидал...

Она поглядела вниз, на замок Гленлорн – и ее обожгло чувство вины. Ей давно пора собираться в дорогу! Ведь они с сестрами уезжают всего через какую-нибудь пару часов... они сядут в экипаж и поедут в замок Дандрамми, к матери. Вдовствующая графиня Гленлорн удалилась туда, чтобы коротать дни в обществе своей вдовой золовки, поскольку ее пасынок Алек стяжал титул графа Гленлорна. Алек не так давно женился, и решено было, что его сестрицы проведут несколько месяцев с их общей матерью, чтобы молодые от души и без помех могли насладиться медовым месяцем.

Меган понимала, почему они должны уехать. Разумеется, понимала, ведь и сама была влюблена! Но исподволь девушка завидовала счастью брата. Предмет любви Меган был далеко отсюда, да и выйти замуж за возлюбленного она не могла. По крайней мере пока не могла, отчего все происходящее казалось Меган еще большей несправедливостью.

О, Ичэнн, милый Ичэнн! Меган поцеловала его на прощание вот на этом самом месте, в тени старинной башни, дав обет ждать его и хранить в тайне их любовь до той поры, пока он не вернется и не попросит ее руки. Девушка приложила палец к губам, тем самым губам, которые он целовал всего месяц назад – и сердце ее заняло от тоски...

Положительно, время пробежит быстрее, если она уедет отсюда. И как бы ни было трудно скрывать тоску, Меган должна это сделать! Мать наверняка воспротивится их с Ичэнном помолвке – по ее мнению, такой жених недостоин графской дочери. А Алек как пить дать посчитает, что Меган еще слишком молода, чтобы своевольничать... А молодая жена его, Кэролайн, скажет, что Меган нужно сперва посмотреть мир и провести по меньшей мере один сезон в Лондоне, прежде чем сделать свой выбор. А сестрицы станут издеваться над ней из-за того, что она влюбилась в сына гленлорнского лесничего, у которого ни гроша за душой... Нет уж, пусть лучше все остается в тайне, пусть все будет известно лишь им двоим! Девушка извлекла из кармана маленькое помолвочное колечко, надела его на палец и улыбнулась. Скоро, очень скоро Ичэнн вернется домой, вернется богатым – и тогда никто не сможет ни в чем их упрекнуть!..

Но сейчас Меган предстояло ехать в Дандрамми, а оттуда по весне – в Лондон, где она и проведет сезон. Ее матушка надеялась, что там она очарует какого-нибудь богатого английского лорда, обвенчается с ним до наступления следующей весны и навсегда останется в Англии. Леди Деворгилла Макнаб провела все девятнадцать лет жизни Меган (а также все семнадцать, что живет на свете сестра Меган Алана, и все двенадцать, что здравствует сестра Сорча), мечтая о том, как выдаст дочек замуж за англичан, которых она во всех отношениях предпочитала шотландцам, будь те бедны или богаты, благородны или просты званием...

Меган нахмурилась. Увы, старшая дочка сильно разочарует матушку, но ведь случается так, что леди всерьез влюбляется! И вот, ее сердце отдано. Меган любит Ичэнна Ренни, сына лесничего, и она достаточно взрослая, чтобы решать сама за себя! От одной мысли о том, чтобы выйти за английского лорда по выбору матери и навсегда оставить родные места, девушку пробирала нервная дрожь.

Меган вновь окинула долину невидящими глазами. Сердце ее было сейчас там, в далеких морях, которые бороздил ее возлюбленный Ичэнн в поисках удачи. Даже родная мать

не смогла остановить сына, в потайном кармашке у которого лежало золотое помолвочное колечко... Да, они повенчаются в гленлорнской часовне, выстроят себе роскошный дом здесь, в долине, и заживут счастливо!

– Меган!

Девушка обернулась. По склону холма к ней спешила Сорча, младшая ее сестра, рыжие косы которой взлохматились и непокорные кудри вились вокруг ее раскрасневшегося веснушчатого личика. Платье девочки было перепачкано травой и подоткнуто за пояс, а босые ноги испачкались в грязи. Меган подумала, как нелегко будет матери сделать из Сорчи добродетельную английскую невесту. Впрочем, к тому времени, как Деворгилла силой вынудит Сорчу поехать в Лондон на бал дебютанток, девочка уже сделается безупречной леди, достойной стать супругой герцога! Ну что ж... возможно. И Меган от души пожелала матери (ну и неведомому герцогу заодно) удачи с Сорчей...

Младшая сестра тяжело дышала, словно утомленная гончая на охоте.

– Я уже с час тебя разыскиваю! Мойра говорит, что уже пора ехать, а твой багаж еще и наполовину не уложен! Тебе же нечего будет надеть, когда мы прибудем в Дандрамми!

Меган еще раз окинула взглядом долину, словно не слыша Сорчу.

– Я просто прощаюсь с Гленлорном. Ну, по крайней мере... на какое-то время.

– Лучше прощаться с людьми, нежели с окрестностями, – отвечала Сорча. – Я вот уже сбегала в деревню и сказала друзьям, что к весне вернусь! – Девочка озорно улыбнулась сестре. – А вот ты не вернешься, ты отправишься в Лондон на свой первый сезон, и тебя будут одолевать эти безумные английские лэрды...

Меган взвилась:

– Лорды, Сорча, а вовсе не лэрды... и вообще, прекрати дразниться! – повелительным тоном приказала она и принялась спускаться по узенькой тропке, ведущей к замку.

Сорча сорвала цветочек и поскакала рядом с сестрой, словно горная козочка. Один за другим она обрывала лепестки.

– Ну-ка, скольких английских *лордов* поцелует Меган Макнаб? – припевала девочка, пританцовывая вокруг сестры. – Один... два... три...

– Перестань! – рявкнула Меган и вырвала у девочки цветок.

...Нет, она не поцелует никого, кроме Ичэнна!

Однако сестра сорвала другой цветочек.

– А ну-ка, сколько английских лордов придут попросить у Алека руки Меган? – вновь запела она, но Меган вырвала у нее и этот цветок – Сорча даже не успела начать считать.

– Я не поеду в Лондон и никогда не выйду за английского лорда! – страстно воскликнула девушка.

– Посмотрим, что скажет на это мама, – отвечала Сорча. – Ну а Мойра уже сказала, что «никогда» – это означает всего лишь «нескоро»!

Меган осеклась.

– Что-что сказала Мойра?

Старая Мойра обладала «видением» – ну, по крайней мере так о ней говорили.

Сорча совершенно по-мальчишески ухмыльнулась и потерла ладошкой щеку, на которой тотчас отпечаталось грязное пятно.

– А я думала, ты не веришь в старые сказки!

Меган утрашающе округлила глаза, окинув взглядом поросшие травой склоны гор и скалистые вершины, и вспомнила все легенды и предания, все старинные сказания, а заодно и поверье, что в долине и поныне живет волшебство...

...Разумеется, она в это верила!

Верила в это настолько, что решила стать хранительницей преданий клана, когда престарелый гленлорнский шоннекайд прошлой зимой отошел в мир иной, не оставив преем-

ника. Меган обожала слушать старинные легенды и баллады и намеревалась все их записать, чтобы они не пропали бесследно. Однако сейчас, в обществе шаловливой Сорчи, девушка заносчиво вздернула подбородок. В данный момент она должна выглядеть взрослой и серьезной.

– Разумеется, в волшебство я не верю! Полагаю, чтобы достичь желаемого, куда важнее быть разумной, а вовсе не считать лепестки или слушать пророчества всяких там старух!

– А вот Мойра предсказала мужа-англичанина... и несметные сокровища, – отвечала Сорча, которую разговоры о разумности ничуть не сбили с толку. – Она увидела все это в дыме, что поднимался от костра, ясно как днем!

У Меган мигом пересохло во рту.

– И это было предсказание... для меня? – едва выговорила девушка непослушными губами.

– А она этого не знает. Но что для одной из нас – это точно!

Меган с облегчением выдохнула. Возможно, опасность ей не грозит. Если только Мойра не увидела Ичэнна, что возвращается домой с легким сердцем и тяжелым кошельком... а в кармашке у него – золотое помолвочное колечко...

– В этом-то и беда пророчеств Мойры. Да, она видит что-то, однако не может объяснить, что все это значит!

– И все-таки сокровище – это совсем неплохо, – щебетала Сорча. – Сундук золота да объемистый кошель с жемчугами и рубинами...

– Только если ко всему этому не прилагается англичанин! – сквозь зубы процедила Меган.

– Ну, мне-то нечего бояться – мне ведь лишь двенадцать! Уж точно он придет не за мной. А вот тебе почти двадцать... Если верить Мойре, тебе давным-давно пора замуж! А еще Мойра говорит, что тебе в твоём возрасте пора бы иметь уже дюжину детишек!

Щеки Меган запылали.

– Мало ли что там Мойра говорит, – проворчала девушка.

Они с Ичэнном мечтали о детях – о четырех или пяти крепеньких сыновьях, что пойдут в отца, и о двух или трех хорошеньких дочках... Сердце Меган сжалось от тоски. Может, стоит попросить Мойру еще раз поглядеть... ну, или поворожить?...

Тем временем они уже достигли тропинки, что вела вдоль берега озера – прохладной и тенистой. Меган остановилась и устремила взор на темные воды. Она представила, как Ичэнн сейчас глядит на совсем иную воду, так же тоскуя о ней...

– Как думаешь, есть у нас время искупаться? – спросила Сорча, пробуя ногой воду. – Сегодня такая жара!

Меган взглянула на раздумявшееся личико сестры, мельком отметила грязные потеки на ее щеках. Завтра они уже придут в Дандрамми, и мама потребует, чтобы они вели себя, как подобает леди. Там не будет уже ни купаний, ни беготни по холмам... Сорчу запрут в покоях и будут учить английскому, а Меган и Алану ожидают томительные уроки танцев и светского этикета, а еще примерки отвратительных английских платьев в преддверии предстоящего лондонского сезона и, разумеется, корсетов, которые затягиваются столь туго, что способны перерезать девушку пополам...

А озеро манило, и Меган улыбнулась сестренке, скидывая туфли и через голову стягивая платье.

– Что ж, почему бы и нет? – сказала она. – Давай наперегонки до черных скал!

Меган нырнула в холодную воду, тотчас вынырнула отфыркиваясь – сквозь капли, повисшие на ресницах, горы вокруг виделись волшебными. О, наслаждение... какое непередаваемое наслаждение!

Улыбнувшись девочке, она нырнула вновь. Что бы ни сулило будущее, сегодня еще можно радоваться!

Глава вторая

*Белмонт-Парк, Дербшир, Англия
Июнь 1817 года*

Лорд Кристофер Линвуд мерил шагами гостиную дома на Белмонт-Парк, своего самого любимого и самого элегантного имения – того, которое ему в ближайшее время предстояло освободить.

– Разве я не граф Россингтон, разве не глава этой семьи? – вопрошал он свою мать, которая, безмятежно сидя у окна, занималась вышиванием.

Протягивая нитку сквозь тончайшее льняное полотно, женщина подняла глаза на сына:

– Разумеется, граф, дорогой. Никто в этом ничуть не сомневается.

Сын обвел взглядом окружающее великолепие: богатую позолоченную лепнину, изумительные полотна на стенах, драгоценные ковры, часы и мебель.

– И разве этот замок – не подходящее жилище для мужчины? Разве это не его святая святых? Разве все это не принадлежит графу по праву, которое никто не смеет оспорить?

Графиня сделала очередной стежок:

– Все это так. Однако, увы, ты холостяк, Кит...

– Ну и какое это имеет значение?

– Просто я хочу сказать, что будь ты женат, супруга не позволила бы твоей родне досажать тебе. Ты мог бы сказать «нет» – и твоя жена, если бы таковая у тебя была, поддержала бы тебя. Но поскольку ты холост, то твой дом или дома, если тебе угодно, распахнуты настееж. Ну зачем одинокому джентльмену такой замок? Не говоря уж о том, что у тебя их пять...

Кит насупился, глядя на мать, но та, сосредоточившись на рукоделии, не заметила его сердитого взгляда.

– Но они принадлежат мне, – сказал он, зная, что это звучит как жалкое оправдание. Однако отступить было уже поздно – поздно вот уже полтора года, с тех самых пор, как он унаследовал титул, а заодно и все проблемы, к нему прилагающиеся. – Я оплачиваю счета, обеспечиваю родне содержание. Арабелла замужем, у нее собственный дом, если мне будет позволено об этом напомнить, и...

Графиня с изумлением воззрилась на сына, пальцы упали ей на колени.

– Ну полно, Кит, будь благоразумным! Неужели ты полагаешь, что твоя сестра останется с Коллингвудом после столь ужасного оскорбления? Нет, его положительно следует проучить – несколько недель, проведенные в разлуке с супругой, пойдут ему на пользу! Впрочем, это будет урок для них обоих!

– У них что ни день, то непростительное оскорбление, однако беда в том, что никому не понятно, в чем эти оскорбления состоят! На сей раз она клянется, что никогда не вернется к мужу и грозитя навсегда остаться тут, в Бельмонте, – сказал Кит.

– Чепуха! – пробормотала графиня. – Как только Коллингвуд подобающе извинится перед ней, она тотчас упадет в его объятия, точно спелая слива в девичий подол! Не тревожься, этого ждать недолго. Размолвка продлится в худшем случае до Рождества.

Брови Кита поползли на лоб, он перестал расхаживать по комнате и замер перед матерью.

– Означает ли это, что я буду изгнан из собственного дома вплоть до самого Рождества?

Графиня отвела взгляд.

– Ну... я уверена, что Арабелла при любых обстоятельствах уладит семейную размолвку до начала следующего весеннего сезона...

Кристофер ощутил в груди пугающую пустоту.

– До следующей весны? Но это уж никак не пара недель... это же почти год!

Графиня выдавила улыбку:

– Будь паинькой и прикажи подать нам чаю, будь так любезен! Сегодня необычайно жарко, даже для июля, не правда ли? – Наблюдая за тем, как сын послушно исполняет ее просьбу, вдовствующая графиня улыбалась. Однако, заметив, с какой яростью Кит дернул за шнурок звонка, женщина нахмурилась: – По-прежнему уверена: в этом всецело твоя вина! Ты мог бы попытаться их помирить или мог остаться тут, в Бельмонте, и убедить сестру возвратиться в дом мужа раньше. В конце концов, ведь ты – глава семьи!

Кит насупился. Глава семьи... Как второму сыну ему была предначертана карьера военного, а вовсе не титул... Однако почти два года тому назад все переменялось. Случилось несчастье, его отец и старший брат погибли, и Кит поневоле сделался графом Россингтоном. Он помнил, в какое ошеломление пришла его сестра. «Кит станет графом? – вскричала она и разразилась хохотом. – Да это же катастрофа!»

Это и в самом деле катастрофа. В одно мгновение Кит превратился из юноши, на которого никто и внимания не обращал, в человека, чей долг – верховодить, главенствовать и делать все необходимое для блага семьи. Об армии, для которой его и воспитывали всю жизнь, речи теперь не шло – теперь у него появилась *ответственность*. И слово это тотчас стало для Кита самым ненавистным. И проблема заключалась вовсе не в его слабости – нет, он вовсе не был слабаком! Пусть его и не воспитывали как будущего графа, но Кит твердо знал, что ему нравится и чего он хочет. Но вот отвечать за властную мать, за горластую сестру и вечно чего-то требующего младшего брата было все равно, что приказывать ветру не дуть – он все равно будет дуть, хочешь ты того или нет, и единственным выходом оставалось покориться и плыть по воле бурных волн...

Легко матушке предлагать ему вмешаться в дела сестры! Но каким образом может он решить проблему Арабеллы? Ее супружеские размолвки почти вошли в пословицу, оба они – и сестра, и ее муж – отличались пылким нравом, а также ослиным упрямством, чем и прославились в кругах английской аристократии. Наверное, Кит мог *приказать* сестре возвратиться в супружеское лоно, но тогда он заведомо стал бы виновником всех их последующих семейных склок. Да лучше он по собственной воле засунет руку в осиное гнездо, чем влезет в их семейные дела! Тем более что смысла ни в том, ни в другом ровным счетом никакого...

– Как ты уже сказала, матушка, я – холостяк. Так какой совет могу я дать сестре?

Матушка улыбнулась:

– Ну тогда поезжай в Шируотер и повеселись там недельку-другую!

...Шируотер – его второе имение, драгоценная шкатулка на самом берегу моря...

– Не могу. Там Алан проводит свой медовый месяц. Его собственное имение сейчас перестраивается и вряд ли будет готово раньше ноября.

– О да, это было бы ужасно – вторгнуться в эдакую идиллию... А что насчет Линвуд-Хауса? – спросила мать.

– Ехать в Лондон? В это время года? – изумился Кит. – Сейчас чересчур жарко, к тому же в разгар лета в Лондоне царит смертная скука. – Он подошел к камину и устремил взгляд на картину, на которой был изображен Коулфакс-Касл, его четвертое имение. – Что ж, всегда остается...

Матушка резво вскочила на ноги:

– Ни слова! Коулфакс – мой до самого Рождества! Это традиция! И я уже пригласила гостей...

– Но ведь дом для вдовствующей графини там же, в Коулфаксе, отделан и подготовлен еще год назад! И я помню, какие мне приходили счета... Уверен, тебе там будет вполне удобно.

Мать сердито взглянула на сына:

– Во-первых, это было два года назад, а во-вторых, там чересчур тесно! Ко мне, как водится, приезжает кузина Унифред, и нам двоим необходим простор – она в одном крыле замка, я в другом... ну так, на всякий случай...

– На всякий случай? Каждый год одно и то же: приезжает Унифред, а после следуют потоки слез и несколько дней шушуканья и обмена сплетнями, душевной дружбы и мира. Затем вас обеих начинают раздражать всякие мелочи. И вскоре вы перестаете разговаривать друг с другом и живете каждая в своем крыле замка – и так, пока кузина не уберется восво-яси! С какой стати ты настаиваешь на том, чтобы вы провели вместе целых полгода? Вы же шипите друг на друга, словно кошки! Разве мало вам переписки? У тебя есть еще время написать кузине и попросить не приезжать в этом году...

Мать скорбно надула губы:

– Как ты жестокосерд, Кит! Она же моя кузина и мы обе одинокие вдовы! Разумеется, мы должны с ней встретиться! И твое общество для нас было бы нежелательно. Да ты и сам нашел бы нас отменно скучными... Так что насчет Торнтон-Эбби?

...Торнтон, последнее владение Кита, располагалось на севере Англии и скрывалось среди Чевииот-Хилс. Он очень любил эти места, однако сейчас в имении шли фундаменталь-ные и насущно необходимые перестройки, и для проживания оно было совершенно непри-годно.

Иными словами, Киту решительно негде было жить.

Он уныло оценивал свои перспективы, а тем временем Свифт, его дворецкий, служа-щий в семье еще с тех пор, как графом был покойный отец Кита, хлопотал над подносом с чаем. Свифт был *принадлежностью* имения – такой же, как, к примеру, фонтан в розо-вой оранжерее, или храм Аполлона на холме, или фамильные портреты в галерее – он жил здесь так давно, что облик его заслужил право на бессмертие наряду с портретами членов семейства. Именно Свифт заботился о том, чтобы во всем царил порядок, знал наизусть все привычки и предпочтения каждого, и именно ему обитатели Белмонт-Парка обязаны были размеренностью своего существования. Кит просто обожал этого старика.

– Может, мне просто остаться здесь? – рискнул спросить Кит, глядя в спокойное, уве-ренное и невозмутимое лицо старого дворецкого.

За дворецкого ответила мать:

– Возможно, мысль и впрямь неплоха, и тебе не так уж тяжело будет в обществе Ара-беллы... Ведь она уже пригласила подружек – сам понимаешь, правила приличия обязывают ее к этому. А среди них, вероятно, сыщется для тебя и невеста...

По спине Кита пополз леденящий холодок. С того самого дня, как он унаследовал титул от покойного брата, Арабелла то и дело подсовывала ему своих незамужних подруг, или же их знакомых девиц, или «приличных девиц на выданье» из числа дочерей дальних знакомых – и проделывала все это с удручающей регулярностью.

– Я не позволю ей приглашать гостей! – поспешно сказал он.

Мать насупилась:

– Этот дом принадлежит тебе, и ты вправе устанавливать тут любые правила по своему усмотрению, но... Арабелле это придется не по нраву.

Разумеется, не по нраву! И для Кита настанет непрекращающийся, первостатейный ад...

...Но, возможно, все будет вовсе не так ужасно: усадьба Бельмонт достаточно велика, к тому же на дворе лето. И если распахнуть пошире окна, то у себя в покоях он будет защи-щен от назойливого общества сестры и ее пятерых деток. И он не позволит ни единой неза-мужнице из числа подружек Арабеллы даже порога своего переступить! Кит слегка воспрял духом: несколько недель он как-нибудь перетерпит... Собственно, если бы он стал солдатом

и отправился на войну в Испанию, ежедневно рискуя получить пулю, ему вряд ли было бы хуже. Впрочем, язычок сестры порой острее штыка, а жестокость, с которой она им орудует, поражает воображение...

Раскинувшись на элегантной козетке, Кит не спеша прихлебывал чай, откусывая от вишневого тарта, заботливо поднесенного дворецким – Свифт знал, что это любимое лакомство молодого графа. Задумчиво жуя, Кит наслаждался миром и покоем, царящими в доме. Воистину, этот дом – его крепость, и изгнать его отсюда он никому не позволит. Стоит установить несколько железных правил и потребовать от сестры неукоснительно их выполнять – и вполне можно будет жить! Воображение Кита уже рисовало мирные прогулки у озера, пикники, шахматные партии по вечерам...

Двери вдруг распахнулись и в комнату ворвался... вихрь. Помещение тотчас огласили вопли, лай, Свифта сшибли с ног вместе с подносом вишневых тартов.

На колени Кита шлепнулось облачко кружев – он непроизвольно подхватил непрошеную ношу, уронив чашку... и услышал жалобный звон бьющегося фарфора.

На него уставилась пара голубых глазенок:

– Привет, дядюшка Кит! – сказала его шестилетняя племянница, обнажив в улыбке отсутствие переднего зубика и хлопая ресницами, как заправская светская кокетка.

– Привет, Молли... – выдавил он.

Но тут пара проворных ручек ухватила за светлые кудряшки Молли и с усилием потянула:

– Теперь моя очередь сидеть на коленках у дяди Кита!

Это была еще одна его племянница, Ребекка. Молли издала пронзительный визг, от которого у Кита разом заныли все зубы, и вцепилась мертвой хваткой в то, что первым попало под руку. Это оказался галстук Кита, и девочке было совершенно невдомек, что она душит родного дядюшку. Семилетняя Ребекка размахнулась, чтобы вклепить сестре затрепину, однако промахнулась, и удар пришелся прямо в челюсть Кита. Удар оказался такой силы, что Кит едва не лишился пары зубов и мельком подумал, что если в будущем Ребекке не удастся счастливо выйти замуж, то она вполне может сделать карьеру на боксерском ринге...

Тут к неожиданной потасовке примкнула Роуз – близняшка Ребекки, и попыталась согнать Молли с дядюшкиных колен, взобравшись на сестру верхом. Локоть Роуз задел Кита по носу, а коленка уперлась в место, еще более болезненное. Тут козетка угрожающе и жалобно заскрипела, и Кит едва успел сгрести в охапку всех трех девочек, прежде чем все они оказались на полу. Матушка Кита вскрикнула – впрочем, беспокоилась она лишь о деточках, словно не замечая, что те причиняют ее сыну нешуточную боль и он уже едва дышит. Закрыв глаза, Кит молил небеса о том, чтобы младший брат его оказался более достойным графского титула, нежели он, и мысленно просил у него прощения за те неудобства, что принесет молодой чете в разгар медового месяца его безвременная кончина...

– Так-то ты приветствуешь племянниц! – раздался голос вошедшей Арабеллы.

Открыв глаза, Кит с трудом набрал воздуха в легкие, а сестра лишь укоризненно качала головой:

– Полно, Кит, пора бы уже тебе повзрослеть! Впрочем, с этим ты порядком опоздал. И потом, подобные игры чересчур грубы для юных леди... – Арабелла хлопнула в ладоши: – Девочки, марш в детскую!

Однако детишки и не думали повиноваться, что ничуть не удивило Кита. Вместо этого они принялись уничтожать лежащие на подносе лакомства. Свифт тем временем уже поднялся на ноги и хмуро счищал с ливреи остатки бисквита и раздавленные вишенки.

– Не принесете ли еще чаю, Свифт? – невозмутимо спросила матушка, с неодобрением глядя на кроваво-красные пятна от вишен на костюме дворецкого. – Сперва, разумеется, извольте переодеться!

Свифт лишь кивнул:

– Тотчас же, миледи, – сказал он с достоинством, подхватывая со столика разоренный чайный поднос, и захромал к дверям.

– А мальчики тоже с тобой? – спросила графиня у дочери.

Арабелла отрицательно покачала головой:

– Они с Коллингвудом. Он настоял, чтобы сыновья провели лето в обществе своего наставника и под отцовским надзором, словно я не могу сама смотреть за ними! Да и Кит вполне мог бы проверять у детей уроки... ибо кто должен руководить образованием будущих графов, если не граф собственной персоной?

– Я??? – Кит оторвался от изучения останков козетки. Остальных, похоже, совершенно не волновала ни сломанная мебель, ни его собственная расхристанность. Он осторожно дотронулся до своей челюсти, где уже наливался порядочный синяк. – Я совершенно солидарен с Коллингвудом. Упомянутым графом-наставником надлежит быть отцу мальчиков, а вовсе не их дядюшке!

Слишком поздно заметил он угрожающий огонек в глазах Арабеллы...

– Когда у тебя самого появятся сыновья, Кристофер Линвуд, ты меня поймешь!

Из угла комнаты раздался треск – оглянувшись, Кит увидел, как его очаровательные племянницы штурмуют шкаф с редкими книгами и китайским фарфором. Он подумал: уж не оттого ли Арабелла пожаловала в гости, что ее потомство до основания разрушило их собственное жилище, сделав его непригодным для обитания? И сердце его преисполнилось жалости к бедняге дворецкому.

Покуда матушка опасливо убирала подальше свое рукоделие, Кит раздумывал, не позвонить ли вновь в звонок, дабы выяснить, где разгуливает няня девочек. Воображение рисовало ему картину: несчастная женщина, замученная воспитанницами, скрывается, дрожа где-нибудь под лестницей...

– Может быть, няня отведет детей наверх? – дипломатично предложил Кит.

– Н-ну... старая няня уволилась, а новой мы еще не обзавелись, – оборвала его Арабелла. – Покуда за детьми приглядывает моя горничная, но сейчас она занята: распаковывает багаж.

Похоже, ее совершенно не заботило, что девочки одна за другой норовят вылезти в окно и устремиться в сад, полный пчел и колючих розовых кустов, где к тому же есть глубокий пруд, кишасший скользкими угрями...

Тогда Кит решительно позвонил в звонок сам:

– Сейчас вызову одну из здешних служанок!

– Как тебе будет угодно, Кит. Ведь это же твой дом, – откликнулась Арабелла, и Кит на мгновение ощутил жгучую жалость к ее супругу.

Осторожно открыв двери, вошел Свифт, неся новый поднос с чаем. На дворецком была безупречная сорочка, сияющая чистотой, волосы аккуратно расчесаны. Завидев его, девочки заверещали... У невозмутимого дворецкого отчего-то вдруг задергался глаз.

И Кит принес безмолвную клятву. Он не женится до тех самых пор, пока у него не останется выбора – ведь потребуется же ему, в конце концов, наследник! Когда же такое время настанет, он изберет в жены кроткую и бессловесную деву, а в качестве свадебного подарка купит ей шестое по счету имение, где и поселит супругу, и станет вспоминать о ее существовании лишь в случае крайней необходимости, то есть очень, очень редко.

Поманив пальцем дворецкого, он шепнул:

– Свифт, принеси с чердака мои чемоданы и скажи камердинеру, чтобы ждал меня
наверху.

На следующее утро граф уехал в Торнтон-Эбби.

Глава третья

Замок Дандрамми

Июль 1817 года

Меган закусила губу, чтобы не выбраться, когда модистка, протыкая муслин, в очередной раз уколола ее булавкой. Она лишь сердито взглянула на дамочку и спрыгнула с табуретки.

– Пожалуй, сегодня чересчур жарко для примерки! – заявила она.

...Какое было бы счастье плавать сейчас в прохладных водах озера Гленлорн!

– Тебе необходимо готовиться, Меган! – строго сказала мать, невозмутимо сидящая в кресле и наблюдающая за примеркой. Ее собственное розовое платье, скроенное по последней парижской моде, было безупречно. – Мы выезжаем в свет следующей весной, а до этого тебе многому предстоит выучиться и, разумеется, обзавестись несколькими дюжинами нарядов.

– Несколькими дюжинами? – ахнула Сорча, а Меган попыталась представить себе, сколько часов мучительных примерок и уколов булавками ждет ее впереди.

– Утренние платья, наряды для чаепития, для прогулок, вечерние платья, плащи и пальто, шляпки, ночные сорочки... – бормотала тем временем модистка, зажав во рту булавки.

– У тебя не будет второго шанса произвести первое впечатление, – наставительно проговорила мать.

Меган тяжело вздохнула и вновь вспрыгнула на табурет. Она-то надеялась отлучиться на часок-другой в ближайшую деревню, послушать местные сказки, чтобы присовокупить их к своей растущей коллекции. Матушка бы не поняла ее и уж точно не одобрила. Поэтому Меган лгала, что навещает больных и престарелых, и брала с собой корзинки с провизией – якобы для нуждающихся. Ведь все это было куда более *по-английски*, нежели собирательство народных легенд и сказаний, что, по мнению вдовствующей графини, не более чем пустая трата времени...

– Стой ровно, Маргарет! – скомандовала мать, употребив ее английское имя.

На смене имен, как и на многом другом, мать решительно настояла в преддверии путешествия в Англию. Сорча и Алана – а отныне Сара и Элис – с сочувствием глядели на старшую сестру, уныло ожидая пыток муслином и булавками. По весне бедняжке Алане, что была всего на пару лет моложе Меган, предстояло вместе с сестрой посещать балы и прочие увеселения...

– Понимаю, мы только что приехали, однако нам следует тотчас начинать приготовления, если мы хотим все успеть, – настаивала Деворгилла. – Отныне у нас будет жесткое расписание. С утра пораньше – встреча с модисткой и примерки. Разумеется, ко времени отъезда в Лондон у каждой из вас должен быть *полный* гардероб, но на первое время с вас хватит и дюжины платьев... ну или около того. – Мать поджала губы. – Надеюсь, мисс Каррадерз, вашей новой компаньонке и ее горничной удастся добиться, чтобы ваши прически отныне всегда были безупречны.

Меган опасливо дотронулась рукой до своих волос, поднятых вверх, заколотых, завитых и затянутых так туго, что хотелось плакать. Сорча же, схватившись за косички, с ужасом взирала на прическу сестры.

– И так... так будет всю жизнь? – спросила она. – Но чтобы так причесаться, нужен не один час!

Деворгилла, прищурившись, взглянула на младшую дочь, а Меган всей душой жалела, что выросла из детского возраста. Она мечтательно глядела в окно, на поросшие пурпурным вереском склоны холмов, на голубые небеса, на орла, парящего в вышине. Птица парит так высоко, думала девушка, что, возможно, видит и море, и острова, омываемые теплыми водами... и Ичэнна...

– Маргарет Макнаб, вы слышите меня? – вернул к реальности ее голос матери.

– Разумеется. Мы беседовали о прическах, – пробормотала Меган.

Ей вспомнилась старая сказка, которую рассказал ей как-то шоннекайд Арран Макнаб, – про деву с прекрасными косами, из которых та сперва соорудила силки, в которые поймала возлюбленного, а затем освободила его из плена соперницы...

– Нет, мы уже обсуждаем танцы, – уныло проговорила Алана.

– Вчера прибыл мсье Лавалль, – объявила Деворгилла. – Он будет обучать вас танцам. В обязанности мисс Каррадерз входят также уроки английского – ведь вы должны выражаться безупречно – и хороших манер.

– Уверена, всему этому нас могла обучить и Кэролайн, – возразила Меган.

Деворгилла нахмурилась:

– Однако я предпочту лично следить за вашим образованием. А Кэролайн теперь замужем за вашим братом и у нее масса дел в Гленлорне.

– Она взяла с меня обещание ежедневно посылать ей письма – я должна писать по-английски, а она будет отвечать на гэльском – так мы обе будем учиться, – сказала Сорча, но Деворгилла отмахнулась от младшей дочери.

– А какие еще у нас новые правила, мама? – спросила Алана.

– Мы станем говорить между собой только на английском, – объявила Деворгилла. – И подавать нам будут только английские блюда. Я уже наняла английского повара и дворецкого-англичанина. Ваши будущие английские мужья вправе ожидать, что вы станете достойными хозяйками в их имениях, безупречными во всех отношениях.

...Английский, по-английски... За те два дня, что они пробыли в Дандрамми, Меган успела всей душой возненавидеть все, что связано с Англией.

А разве муж-шотландец не вправе ожидать, что супруга его будет безупречной хозяйкой? Однако Меган благоразумно удержалась от того, чтобы вслух об этом спросить. Она вновь взглянула в окно, на облака, что плыли над горной грядой, пересекая ее и исчезая вдали. Сердце ее навеки здесь, в горах Шотландии, и ни один английский лорд его не завоеует!..

В этом леди Меган Макнаб была совершенно уверена.

Глава четвертая

Кит, вздрогнув, пробудился – как раз в тот момент, когда прямо над его кроватью, этажом выше, на пол грохнулось что-то тяжелое и на голову ему посыпалась штукатурка. Впрочем, спал он не на кровати – устроился на ночлег на дряхлом диване в гостиной Торнтон-Эбби. Прочие комнаты усадьбы были непригодны для жилья, находясь в разных стадиях разрушения или, наоборот, перестройки – стены штукатурили, красили, рушили старые и клали из кирпича новые. Из комнаты в комнату нельзя было пройти без того, чтобы не наткнуться на строительные леса или не споткнуться о расставленную как попало мебель, покрытую льняной тканью.

Смахнув с лица штукатурку, Кит взглянул на потолок. Оставалось надеяться, что матушке, брату и сестре вполне удобно в их уютных жилищах. И он поплотнее завернулся в шерстяное одеяло, предусмотрительно прихваченное из повозки накануне ночью.

– С добрым утром, милорд, – поприветствовал его жизнерадостный рабочий, таща мимо дивана какой-то ящик.

Казалось, он ничуть не удивился, увидев на диване в гостиной спящего графа. Работяга не соблаговолит даже постучаться – впрочем, стучаться было не во что: двери были предусмотрительно сняты с петель, дабы не мешать ремонтникам.

– Это что такое? – поинтересовался Кит, кивнув на ношу рабочего.

Тот намеревался поставить ящик на пол, подле прочих предметов мебелировки имения, сваленных как попало. Картины были прислонены к стенам, статуи уныло стояли по углам, многочисленные столы, столики и шкафчики, уставленные книгами, подносами, бочонками и шкатулками, теснились в беспорядке.

Но все прочие шкатулки были богато инкрустированы слоновой костью, серебром и перламутром, а этот простой сундук обит потемневшей от времени кожей и порядком вытерт.

Работяга задумчиво поглядел на сундук:

– Этот-то? Мы нашли его наверху, на чердаке, милорд. Аккурат над той анфиладой, где окна смотрят в сад. Нынче мы разбираем там потолки. Сундучок надо бы прибрать...

Встав с дивана и завернувшись в одеяло, словно в роскошный плащ, Кит подошел к сундуку. Как ни старался он держаться с достоинством, работяга все равно глазел на него, разинув рот. Ну и ладно... Они оба принялись разглядывать старый сундук – склонившись, Кит с трудом прочел надпись, выгравированную на латунной пластинке, привинченной прямо над замком: «Капитан Натаниэль Линвуд, Кобхемский драгунский полк».

– Мой предок... – пробормотал Кит.

Он попытался открыть запор, но тот либо прижавел, либо был заперт.

– Пора бы мне за работу, милорд, – рабочий пригладил чуб и отправился восвояси. Похоже, его ничуть не заинтересовал старинный сундук.

– Мой двоюродный дедушка, – сообщил Кит портрету, висящему над камином, но тотчас вспомнил, что изображенному там человеку об этом прекрасно известно, поскольку это не кто иной, как племянник Натаниэля. Портрет глядел на царящий вокруг бедлам недобрым взглядом.

Кит не мог помнить Натаниэля Линвуда, поскольку тот скончался в тот самый год, когда он появился на свет. По той же причине Кит носил имя покойного в качестве своего второго – как дань памяти почившего родственника. Натаниэль ни разу не был женат, не обзавелся ни наследником, ни состоянием – насколько Киту было известно, он не оставил ровным счетом ничего. Он был просто солдатом, вторым сыном четвертого графа Россингтона. Единственное упоминание о нем – лишь короткая строчка в семейной библии: «солдат, рожден в 1709, опочил в 1785»...

И вот он, сундук Натаниэля – военного образца, обшарпанный, видавший виды... Если бы он мог говорить, то рассказал бы о военных походах, о битвах, о жарких схватках и походах в неведомые земли...

И Кит ощутил зависть. Если бы он не унаследовал титула, то отправился бы на войну... однако судьба распорядилась иначе. А выйдя в отставку, Кит отправился бы в путешествие, пережил бы не одно захватывающее приключение... Он читал обо всем этом: о хождениях по океану к неведомым островам, о путешественниках, пересекавших величайшие пустыни с караванами, груженными шелком, об исследователях, раскапывающих сокровища Древнего Египта. Он провел ладонью по обшарпанной коже. Интересно, какие приключения пережил Натаниэль и что скрывается в сундуке?

Кит вновь потянул за дужку замка, но тот наотрез отказывался открываться. Сундук нипочем не желал открывать свои секреты...

Интересно, где может быть ключ? Неужели старик Натаниэль унес его с собой в могилу? Он погребен здесь, в Торнтоне, где прожил последние годы жизни.

Потолок над головой Кита вновь сотряс мощный удар. Граф поморщился и поднял взгляд. Вчера он приехал поздно ночью, но в местном постоялом дворе не нашлось свободных номеров – все их оккупировали строители, работающие в усадьбе. Выбор у Кита был невелик: либо ночевать в повозке, либо скоротать ночь на диване в гостиной, под строительными лесами, среди битых кирпичей и штукатурки... Он выбрал второе: прихватил из повозки шерстяное одеяло, предварительно отослав кучера и камердинера на поиски более подходящего места.

Волей-неволей Кит подумал о том, что Натаниэлю наверняка частенько приходилось ночевать где придется, в ожидании начала боя или в изнеможении по его окончании. Он прикрыл глаза. Стук молотков наверху напоминал бой боевых барабанов, а перекличка рабочих – приказы боевых офицеров. Именно такой могла быть его жизнь – походы и битвы вместо нудного переустройства имения...

Кит потряс головой и принялся вновь изучать сундук: осмотрел боковую стенку, потом заднюю. Шанс отыскать ключ, даже если Натаниэль оставил его где-то в имении, был ничтожно мал. Никогда прежде Кита не приходилось взламывать замков. У него просто не было в этом нужды, хотя он много читал о том, как это делают другие. Нужно что-нибудь острое... да, что-нибудь острое и тонкое...

Выдвинув ящик ближайшего комода, граф принялся искать что-то подходящее – ну хоть нож для бумаг. Однако под руку попался лишь колпачок для тушения свеч на длинной рукоятке. Отбросив его в сторону, Кит отошел к письменному столу – логично было предположить, что нож для бумаг находится именно там. Однако все ящики оказались забаррикадированы всяким хламом. Тут же стояла картина с изображением ангелочка, который взирал на будущего взломщика со священным ужасом. Но вот Кит наткнулся на ящик с дамскими нарядами, мятыми и ветхими. Там обнаружилось несколько шляпок, некогда украшенных пышными плюмажами из перьев – они давным-давно поблекли и облезли. Кит отшвырнул их в сторону, но шляпная булава, длинная и острая, словно кинжал, больно оцарапала ему руку. Не обращая внимания на выступившие капельки крови, Кит, торжествуя, схватил булавку и бросился к сундуку.

Он возился с замком до самого восхода. Когда солнце наконец встало, в комнате воцарились жара и духота. Кит смахнул пот со лба и с отвращением ощутил кончиками пальцев пыль и крошки штукатурки на коже. Решив попытать счастья в последний раз, он пару раз повернул в замке булавку – вдруг раздался щелчок, и замок сдался.

Кит откинул крышку.

Первое, что он увидел, – длинный кинжал с тонким лезвием и рукоятью, украшенной драгоценными камнями. Вертя его в руках, Кит подумал, что при помощи этой вот штуки он сладил бы с замком в два счета.

Ниже обнаружился военный мундир, аккуратно сложенный, спереди состоящий из двух полос алой и синей шерсти. Оловянные пуговицы потускнели от времени. Обшлага были порядком обшарпаны, а на одном рукаве виднелась дырка, пробитая пулей. Кит просунул в нее палец. Пройди пуля несколькими дюймами левее, Натаниэль окончил бы свои дни на поле брани, а вовсе не в своей постели... В сундуке нашлись еще несколько предметов, принадлежавших капитану, впрочем, вполне заурядных. Какая-то тетрадь в потертом, как и сам сундук, кожаном переплете, серебряная фляга с фамильным гербом Линвудов, кошелек с несколькими монетами, пара запонок и цепочка от часов.

Взяв в руки тетрадку, Кит принялся разглядывать ее. Она почему-то была перевязана бледно-голубой лентой.

Кит тотчас развязал ленту, и на колени ему что-то посыпалось. Засушенный цветок – кажется, веточка вереска – и обрывок пледа, состоящего из оранжево-красных, синих и зеленых нитей. Было здесь и письмо, пожелтевшее от времени, все еще запечатанное. Буквы на конверте расплылись от влаги, однако их вполне можно было разобрать.

– Коннору Макинтошу, инвернесская тюрьма, – вслух прочел Кит и нахмурился. Отчего бы Натаниэлю хранить письмо, адресованное не ему, а какому-то неведомому шотландцу, да еще и нераспечатанное, а соответственно и непрочитанное?

После минутного колебания Кит сломал печать и развернул листок. Чернила местами расплылись, возможно, от слез или от времени? Почерк был нервный, словно рука пишущего дрожала от едва сдерживаемого волнения. Прочтя в самом конце имя «Майри», Кит вновь нахмурился. В анналах семьи не значилось никакой женщины с именем Майри, в этом он был абсолютно уверен. Кит вернулся с письмом на диван и принялся читать...

«Глен Дориан, май, 1746 год.

Любовь моя,

молю Небо, чтобы письмо мое застало тебя живым и здоровым, а еще о том, чтобы ты вновь вернулся домой, и как можно скорее. Капитану Линвуду удалось разузнать, что тебя вместе с прочими пленниками после битвы при Каллоден-Мур² заточили в инвернесскую тюрьму. Руарид со мной, он в безопасности. Капитан доставил его ко мне, он сожалел лишь о том, что смог спасти только одного из вас по окончании ужасной битвы. Оба наотрез отказываются говорить о том, как ты был пленен, и о том, какие лишения приходится тебе сносить в застенках – мне остается лишь гадать и страшиться. Слышала, много раненых умирает просто потому, что о них некому позаботиться – слух этот дошел даже сюда, в Глен Дориан. Линвуд пообещал мне, что увидится с тобой, добьется твоего освобождения и доставит тебя домой, потому что ты ни в чем не повинен, и он с чистым сердцем засвидетельствует, что ты не участвовал в сражении.

Надеюсь, ты простишь Руарида – мой брат всего лишь неразумное дитя. Он думал, что это всего-навсего приключение, хотел понаблюдать за битвой. Теперь он знает, сколь глубоко заблуждался – знает также и то, что если бы не он, ты был бы вовсе не в Каллодене, а здесь, со мной, в Глен Дориан, в полной безопасности. Неведомо мне, что видел Руарид, наблюдая из укрытия за полем брани – он не желает или не может об этом поведать,

---

² Сражение при Каллодене (англ. Battle of Culloden) – сражение, произошедшее в ходе Второго якобинского восстания 16 апреля 1746 года в окрестностях Каллодена, селения в северной Шотландии неподалеку от города Инвернесс.

а вероятно, капитан приказал ему хранить это в тайне от меня, дабы не подвергать меня опасности... Но неведение тяготит меня. Да и Линвуд почти ничего не поведал мне о битве, кроме того, что якобинцы повержены и более не поднимутся. Карл Стюарт бежал, и за ним снарядили погоню. Верные правительству солдаты рыщут по деревням и лощинам в поисках беглеца и вообще всякого горца, дабы совершить над ними суд...

Капитан Линвуд прибыл с известием, что нам надлежит скрыться. Мы в опасности даже здесь, в Глен Дориан. Я соберу всю родню – всех, кто пожелает следовать за мной, – и мы надежно спрячемся. Линвуд предостерегает меня – говорит, чтобы я ни в коем случае не предавала бумаге название нашего укрытия... Но тебе оно прекрасно известно.

Капитан ждет, покуда я допишу письмо, и обещает, что непременно тебе его доставит. Как желала бы я собственноручно отдать его тебе, а потом поцеловать твои руки, увидеть тебя и увериться, что ты невредим!

Знаю, что ты вернешься домой, ко мне, мой Коннор. Ты должен. Наше сокровище в безопасности, оно надежно сокрыто там, где английские воры и не вздумают его разыскивать. И это место ты знаешь...

Я буду ждать тебя, буду каждый день глядеть на дорогу, не идешь ли ты, и свято хранить все, что нам с тобой дорого, до тех пор, пока вновь не обниму тебя.

Майри»

Кит в задумчивости смотрел на письмо. Сомнений нет: Натаниэль так и не вручил его адресату. Кит нахмурился. Вернулся ли Коннор Макинтош к своей Майри? Если нет, то где-то в местечке Глен Дориан, о существовании которого он никогда не подозревал, скрыто сокровище. Майри, кто бы она ни была, поступила так, как поступают обычно женщины, когда их мужчины проигрывают битву, – спрятала семейные ценности и спаслась бегством. Знал ли Натаниэль о сокровищах? Однако он так и не прочел письма – просто терпеливо ждал, пока Майри его допишет... Кит представил вдруг, как его двоюродный дедушка стоит у женщины за спиной, читая письмо через ее плечо и поторапливая...

– Ты же был кавалерийским офицером, к тому же англичанином... С какой стати тебе доставлять письмо какому-то шотландцу, да еще и преступнику-якобинцу? – вслух спросил Кит.

...А вдруг старый Натаниэль был изменником? Но разве тогда приняла бы его родня? Разве позволила бы ему мирно дожить свои дни здесь, в Торнтон-Эбби?

Кит вернулся к тетради, посмотрел на обрывок пледа и засушенную веточку вереска. Поднеся веточку к лицу, он вдохнул запах бумаги, пыли... а еще еле различимый цветочный аромат... скорее, эхо аромата...

– Удалось ли ей спастись? – пробормотал он, глядя на тетрадь.

– Прошу прощения, милорд? – Подняв глаза, Кит увидел своего камердинера Лесли – тот стоял в дверях, держа в руках корзину с крышкой. – Простите, но здесь... э-э-э... нет двери, чтобы постучаться. Вы обращались ко мне?

Лесли поставил корзину на столик. Под крышкой обнаружилась фляга эля, добрый ломоть хлеба, немного сыра и фруктов.

Сложив письмо, Кит снова сунул его между страниц книги и поднялся.

– Ты очень вовремя, Лесли. Я боялся умереть от голода в этих руинах. Какие новости ты привез? Есть ли тут поблизости постоянный двор? Или, может быть, домик, который я могу на время арендовать?

– Я прибыл, как только смог, но боюсь, новости не слишком утешительны. Нигде в окрестностях мне не удалось найти подходящего жилья для вас. Все понаехали из города

в деревню на лето, и свободного домика нет ни единого. Я мог бы продолжать поиски, однако... – Камердинер с сомнением оглядел царящее вокруг запустение. – Есть тут хотя бы одна спальня в сносном состоянии? А кухня? А вода? И кто из слуг остался в имении?

Поднявшись на ноги, Кит стряхнул с бриджей пыль от штукатурки и усмехнулся. Лесли в ужасе наблюдал за хозяином, оценивая масштабы катастрофы. Кит представлял, что творится в голове у его камердинера: перед ним граф Россингтон собственной персоной, перепачканный с ног до головы, отчаянно нуждающийся в бритвенном приборе, горячей ванне и чистой одежде. Да и волосы его наверняка в полном беспорядке со сна. Кит ободряюще улыбнулся камердинеру:

– Плевать на все, Лесли! Мы едем в Шотландию.

Рука Лесли дрогнула – он в этот момент как раз наливал эль в стакан, и добрая порция напитка пролилась, тотчас впитавшись в грязь, покрывающую пол.

– В Шотландию, милорд? – пискнул он.

– Да, именно в Шотландию. В местечко под названием Глен Дориан, это где-то в горах. Полагаю, близ Инвернесса. – Глаза камердинера мало-помалу наполнялись самым что ни на есть настоящим ужасом. Кит невозмутимо отломил кусок сыра и вонзил в него зубы: – Не смотри на меня, как на безумца! Это же просто приключение.

...А если точнее, охота за сокровищем.

Лесли нервно теребил узел галстука:

– В жизни не было у меня приключений... Я по натуре не авантюрист, милорд. Всегда думал дожить до глубокой старости и умереть в мягкой постели, причем именно дома, в Англии, с полным набором конечностей...

Кит подхватил тетрадь Натаниэля, убрал ее в сундук и захлопнул крышку.

– В Шотландии, насколько мне известно, сейчас благодать – там, кстати, куда прохладнее, нежели в Лондоне. Подумай лучше о том, какие дивные истории станешь рассказывать своим внукам!

Потрясенный Лесли заморгал:

– Внукам, милорд? Но я даже не женат!

Глава пятая

Меган поднялась на гребень холма, ветер подхватил ее волосы и полы плаща – на мгновение девушке почудилось, что она вот-вот взлетит... Воздух был сладок от аромата цветущего вереска. Закрыв глаза, Меган наслаждалась: наконец-то ей удалось увильнуть от бесчисленных примерок, лекций и уроков. Она улизнула сразу после завтрака, пока модистка терзала бедняжку Алану, Сорчу мучил учитель английского, а мама еще нежилась в постели.

Меган уверена была: даже если она и впрямь поедет в Англию, то не вспомнит там и половины того, что вдалбливалось ей в голову за последние недели. И уж тем более никогда не усвоит, какое платье какому времени дня приличествует или как надлежит обращаться к баронессе, а как – к супруге епископа. А что будет, если она все перепутает? Ведь именно этого как огня боялась матушка: что ее дочери выставят себя и ее заодно круглыми дурами, взяв за столом не ту вилку или оказавшись недостаточно хорошенькими и умненькими в сравнении с английскими барышнями!

Меган была уверена: ее все равно поднимут на смех все эти лощеные лорды и леди – и за типично шотландскую легкую картавость, и за порывистую, лишенную всякой плавности походку, такую, словно она всю свою жизнь только и делала, что бегала по холмам и долинам своей родины. Как, впрочем, оно и было на самом деле... Девушка взглянула на свои ножки, обутые сейчас в прочные удобные башмачки, предназначенные для долгих пеших прогулок. Да, шаги ее чересчур широки, поступь чересчур стремительна. Привыкнет ли она когда-нибудь к семенящей походке, приличествующей настоящей английской леди?...

Поднявшись по овечьей тропе, Меган остановилась, любуясь раскинувшейся внизу долиной Глен Дориан, озером, где искони обитали выдры... Она позволила ароматному ветру опьянить себя, и вот уже исчезли страх и неуверенность... Меган вскинула вверх руки, ветер наполнил ее легкие – и ей почудилось, что она летит, летит над холмами и горами. Чего она ищет? Встречи с Ичэнном? Или чего-то много более важного?

– Ох, ты едва не напугала меня, девочка! – раздался вдруг голос.

Открыв глаз, Меган увидела пожилого человека с трубкой, отдыхающего среди цветущего вереска.

Меган вновь почувствовала под ногами землю и поплотнее запахнула полы своего плаща.

– Простите... Я вас не сразу заметила, – стыдливо произнесла она. – Прекрасный денек, не правда ли?

Старик, сощурился, глядел на небо.

– Еще до темноты польет дождь. На горизонте уже собираются тучки. Я как раз наблюдал за ними – они движутся сюда, в долину.

Меган заслонила ладонью глаза и принялась вглядываться вдаль. На горизонте она и впрямь увидела гряду белых облачков, которые показались ей совершенно безобидными.

– Каким ветром тебя занесло сюда, девочка? Разве не следует тебе быть дома и помогать матери? – строго спросил старик. – Разве не надлежит тебе прясть шерсть и печь лепешки?

Услышав такое, Меган заносчиво вздернула подбородок, однако тотчас почувствовала себя виноватой. Ей сейчас надлежало делать кое-что похуже: упражняться в науке светской беседы на английском языке. Наверняка модистка уже отпустила Алану, а Сорча кусает локти, недоумевая, как это сестре удалось сбежать, в то время как она томится в заточении... Слова старика напомнили Меган о том, что у нее есть обязанности куда более тягостные, нежели прядение шерсти...

Однако она вновь задрала нос, усиленно изображая светскую английскую леди:

– У моей матушки для всего этого предостаточно прислуги!

Но ее слова не произвели на старца ровным счетом никакого впечатления. Он молча попыхивал своей трубкой, глядел на Меган и чего-то ждал. Девушка потупилась.

– Я просто вышла на прогулку, вот и все. Разве нельзя мне насладиться красотой гор в такой прекрасный день?

Старик вновь прищурился, глядя на облака:

– Что ты ищешь здесь, девочка? Чистую любовь? Клевер с четырьмя лепестками? Драгоценные камни или иные какие сокровища? У тебя вид такой, будто ты пытаешься что-то отыскать...

Меган присела рядом со старцем:

– Кажется... да. Я собираю сказки и легенды – записываю их, чтобы они не исчезли бесследно. А вы знаете какую-нибудь старую легенду?

Седая бровь поползла вверх:

– Легенду? Что ж, я знаю их множество. А какую тебе рассказать? О чем?

Девушка оглядела долину и заметила внизу руины замка. Он стоял когда-то на скалистом острове посреди озера, соединенном с берегом лишь узкой дамбой, еще заметна была вьющаяся по берегу узенькая тропка, усеянная осколками камней и щебня.

– Я люблю правдивые сказания – об истории мест и о людях, взаправду когда-то живших. Вот, например, этот замок... можете о нем рассказать?

Старик внимательно посмотрел на Меган:

– О Глен Дориане? Замок этот проклят... ну, по крайней мере, так в народе говорят. В залах замка жили некогда мужи-герои, а леди пели прекрасные песни, покуда ткали... Клан Макинтош из Глен Дориан был могущественным.

– А вы тоже из клана Макинтошей? – спросила девушка.

– Ну да. Я – один из последних Макинтошей из Глен Дориан.

– А что стряслось с остальными? – спросила Меган, изучая полуразрушенные стены замка, казавшиеся такими серыми и холодными на фоне буйной зелени и пурпура долины.

– Сперва было сражение при Каллодене... ну и все, что случилось после. Многие погибли, остальные отправились искать лучшей доли. Лэрд Глен Дориан был добрым и благородным человеком, он дал клятву, что не примкнет ни к одной из воюющих сторон. Однако другие Макинтоши взяли за оружие и приняли сторону принца Карла. А потом англичане увели лэрда, закованного в цепи, а его молодая жена осталась здесь, оплакивая свою утрату. Замок сожгли, скот угнали... ничего не оставили. Майри Макинтош была отважной девой – она увела тех немногих, кто остался в живых, куда-то в горы и надежно схоронила там. Вот почему я сижу сейчас перед тобой, живой и невредимый, и рассказываю тебе эту древнюю быль... – Старик указал на холм, что находился прямо напротив озера и замка. – После того как пленили ее супруга, Майри приходила сюда каждый день, до самого своего смертного часа, стояла вон там, на вершине холма, и ждала, когда муж возвратится домой. Она составила в ожидании, иссохла от тоски...

Затаив дыхание, Меган ждала продолжения, однако старик поскреб ногтями свою седую бороду, молча пыхнул трубкой и выпустил облачко голубого дыма.

– А что с ним случилось? – нетерпеливо спросила Меган.

– Этого не знает ни одна душа. Может, казнили его как мятежника где-то далеко, в Англии, вместе с другими повстанцами или увезли далеко за море, либо он просто умер.

Старик выбил золу из трубки и поднялся на ноги.

– Что ж, доброго дня тебе, девочка...

Меган поспешила за стариком вниз по склону.

– Подожди! У истории должно быть продолжение!

Старик оглянулся на девушку, однако шага не замедлил.

- Продолжение? Какое может быть продолжение, девонька?
- Ну а кто сейчас там живет?

Старик изумленно посмотрел на серые руины.

– Живет? В этих развалинах? Никого там нет. Англичане спалили там все дотла – так, чтоб вовеки никто не смог жить в замке. Ну да, кое-кто пытался обосноваться и зажить там, но замок всех их изгнал вон. Говорят, леди Майри Макинтош наложила заклятие на это место, прежде чем умереть: мол, замок не потерпит внутри себя никого, покуда чистая и верная, настоящая любовь не вернется в Глен Дориан – лишь тогда замок вновь станет обитаем... А до той поры жить там будут лишь выдры, птички да барсуки... ну и время от времени какой-нибудь странник отважится скоротать там ночь. Но больше одной ночи там никто не проводил...

– Там что, бродят призраки? По залам блуждает тень Майри Макинтош? – спросила Меган, поспешая за стариком. Щеки ее раздумянились и дыхание сбилось, но не от быстрой ходьбы, а от захватывающей истории.

Старик хмыкнул:

– Да ты маленькая выдумщица! Нет, про привидения я ничего не слышал, тут иное. Стоит войти внутрь этих стен – и тебя охватывает эдакое чувство... просто мороз по коже... и такая тоска! Да ты сама сходи туда, ежели мне не веришь. Впрочем, как знать, может, именно ты и обретешь здесь свою настоящую любовь? Однако я в старинное проклятие не слишком верю – скорее всего, сказка придумана для того, чтоб детишки по развалинам не шастали... – Голубые глаза его озорно блеснули. – Как думаешь, девочка?

– Я уже встретила настоящую любовь, – заявила Меган, силясь вспомнить лицо Ичэнна. Вот странность... он всего два месяца как уехал, а она уже не может припомнить деталей... Девушка нахмурила лоб и остановилась, с усилием вспоминая.

– Что стряслось? Или... ты уже не слишком в этом уверена? – спросил старик, также останавливаясь, и Меган не смогла понять, что он имел в виду – ее предстоящую прогулку в развалины или любовь к Ичэнну...

Тем временем они дошли уже до самой дамбы, вдоль которой шла тропинка, ведущая в замок. Серые стены излучали достоинство непобежденного воина, а пустые глазницы окон словно глядели на девушку, ожидая, решится ли она войти или же отступит. Меган сглотнула. От волнения у нее зачесались ладони.

– А там... безопасно? – спросила она.

– Крыша тебе на голову не упадет – просто потому, что крыши там нет. Но карабкаться по стенам я бы не советовал. Иди смело – это просто маленькое приключение, не более того.

Меган с минуту помешкала, и тут налетевший ветерок вдруг загудел в развалинах, словно сам замок позвал ее.

– Иди же! Ты же сама сказала, что хочешь узнать легенду о замке. Хочу верить, что ты найдешь там куда лучшую сказку, чем та, которую я тебе поведал, – сказал старик и отступил назад.

Меган захлопала глазами:

– А ты... ты не пойдешь?

– Я? О нет. У меня много дел, и вообще мне пора идти. А ты, если хочешь, иди, девочка, или возвращайся домой. В любом случае, я бы на твоём месте решал быстрее, до того как погода вконец испортится. – Взгляд старика словно подначивал ее, и Меган снова оглядела руины замка.

Строение было и в самом деле необычайно красиво, особенно когда лучи солнца озирали камень и ползучие растения, вьющиеся по стенам. Над островком летали пташки, и наверняка где-то в расщелинах стен находилось множество птичьих гнезд. На прибрежную

скалу возле самой стены замка из озера выбралась выдра и устремила на девушку взгляд любопытных черных глазок. Меган не могла более противиться искушению...

– Что ж, тогда и вам доброго дня, – сказала девушка и ступила на тропинку. Когда она пересекала узенький мостик, тень замка нависла над ней, и ветер задул сильнее.

Достигнув почерневших и погнутых железных ворот, Меган обернулась, но старик уже удалился.

Войдя в ворота, Меган очутилась во внутреннем дворе замка и храбро направилась к тяжелой дубовой двери, хранящей следы мощных ударов и безжалостного времени. Она словно видела, как разъяренные солдаты вышибают дверь прикладами, врываются внутрь... Коснувшись холодной дверной ручки, девушка с секунду колебалась, но затем решительно толкнула дверь.

Петли протестующе застонали, будто предупреждая ее о чем-то. Не обращая внимания на холодок, бегущий по спине, Меган налегла на дверь, и та наконец открылась.

И тотчас ветер утих. Девушка бесстрашно переступила порог.

– Ау-у-у! Есть здесь кто-нибудь?

Голос Меган прозвучал не слишком уверенно. Когда откуда-то из темноты взвились потревоженные птички и устремились в голубое небо, девушка вздрогнула. Подняв голову, она посмотрела вверх. Обугленные останки бревен торчали по краям отверстия в кровле, точно ощеренные зубы, и у Меган перехватило дыхание. Внутри было влажно и затхло, а от камней исходил леденящий холод... даже сейчас, в разгар летней жары. Девушка поежилась и плотнее завернулась в плащ, накинутый поверх легкого платья, и почувствовала вдруг, что ее охватывает чувство невосполнимой утраты и горя... И вот оно становится почти невыносимым. Приложив ладонь к груди, она ощутила бешеное биение сердца.

Меган силой заставила себя сделать несколько шагов вглубь – наверняка когда-то здесь был парадный зал лэрда. Поистине этот замок некогда был великолепен. Друг против друга у стен красовались огромные каминные, но теперь они были черны и пусты и напоминали отверстия в крике рта. По полу были разбросаны камни и обломки черепицы, обугленные деревяшки, сгнившие балки, какие-то доски... В углу просторного зала виднелась прекрасно сохранившаяся каменная лестница без перил, однако добраться до нее не представлялось возможным.

Девушка двинулась дальше, и эхо ее шагов гулко отдавалось под сводами зала. Каменные стены словно шептали что-то ей вслед – вероятно, ей это уже мерещилось, а возможно, странный звук издавал некий зверек, прячущийся где-то в темном углу. У Меган не хватило смелости это проверить...

В одной из комнат оказалось совсем темно: потолок сохранился нетронутым, а в воздухе словно висело пыльное облако. Что-то коснулось вдруг щеки Меган, и она, вздрогнув, вскрикнула, но эхо собственного крика почти оглушило ее. Дрожащими пальцами девушка смахнула с лица липкую паутину.

Сквозь щели в обгорелых ставнях робко просачивались солнечные лучи, и Меган поспешно распахнула тяжелые створки. В комнату ворвался солнечный свет. Меган глубоко, всей грудью, вдохнула свежий воздух, поглядела на холмы, окружающие долину... Вон тот холм – это там стояла Майри Макинтош, ожидая своего потерянного возлюбленного? И Меган ощутила вдруг новый приступ печали. Вновь подул ветер, и пыль, подхваченная с пола, заметалась по залу – по полу словно затанцевали призраки...

... Жизнь покинула это место, ушли отсюда радость и счастье – в тот самый день, когда замок был сожжен дотла, а обитатели его изгнаны. И вот спустя семьдесят лет он все еще пребывает в запустении но... ждет, когда жизнь здесь возродится. Меган ощущала и это – древние камни словно молили о милосердии, о любви. Меган чувствовала это всем своим существом – она даже обернулась, чтобы взглянуть на дверь, ощущая комок в горле.

Но в дверях никого не было, в зале царила мертвая тишина – и сердце девушки вновь заняло от смертной тоски. Открытая ставня скрипнула, Меган ахнула и снова обернулась, точно ужаленная. Одновременно со скрипом ее чуткое ухо уловило вдруг тихое эхо чьего-то смеха, звуки волынок, чьи-то шаги по каменному полу... Подойдя к дверям, девушка выглянула во двор.

– Кто здесь? – снова крикнула она.

Но двор был пуст. Меган была здесь совершенно одна. От каменных плит тянуло холодом, он проникал под одежду, сковывая тело...

По коже девушки побежали мурашки – все было в точности так, как и говорил старый горец. Подбрав юбки, Меган поспешила прочь. Она бежала через двор, а в спину ей словно уперся чей-то ледяной взгляд, однако Меган была чересчур напугана, чтобы оборачиваться. Остановилась она лишь тогда, когда ступила на берег...

Тогда оглянулась. И увидела, как шевельнулась ставня... Сердце девушки на миг остановилось, а потом заколотилось с бешеной скоростью.

Но ветерок гладил ее по щеке, словно успокаивая, а из-за набежавшего вдруг облака проглянуло солнышко, и тотчас согрело озябшую кожу. Меган потихоньку успокаивалась.

– Это всего лишь ветер, – прошептала она. – Это только ветер...

Глава шестая

Мсье Лавалль хлопнул в ладоши, и по музыкальной гостиной усадьбы Дандрамми разнеслось звонкое стаккато.

– Будьте любезны, юные леди, встаньте в линию!

Учитель танцев стоял перед смущенными ученицами с самым что ни на есть чопорным видом и ждал. Меган вздохнула, когда Алана крепко ухватила ее за руку и силой заставила встать между ней и Сорчей. Да, на этот раз отвертеться не удастся... Меган не хотелось танцевать. Она дурно спала ночь – ей снилось, что она стоит одна-одинешенька в зале замка Глен Дориан, чего-то ожидая, на что-то надеясь, трепеща от ужаса. Потом раздался оглушительный стук в дверь, дубовые доски затрещали, дверь подалась... Чьи-то сильные руки сгребли ее за плечи – она боролась, силясь высвободиться, но все было тщетно. Обернувшись, Меган взглянула в чьи-то ледяные серые глаза... и проснулась.

Девушка наморщилась, пытаясь вспомнить лицо обладателя этих глаз, однако облик неведомого завоевателя, как и большинство сновидений, растаял бесследно в свете дня, оставив по себе лишь неясное чувство тревоги...

Мсье нетерпеливо притопнул ногой.

– Мы готовы, мсье, – произнесла Алана по-французски.

Брови мсье взлетели, казалось, к самому напомаженному коку, украшавшему его макушку.

– Готовы? Не может быть! Ведь вас всего лишь трое – как, по-вашему, вы будете танцевать втроем?

Меган задумчиво изучала учителя танцев. Он был так тонок и изящен, что напоминал птичку, скачущую по ветке, и отличался такой же беспокойностью. Он озирался, вытянув губы в трубочку, отчего они стали походить на заостренный птичий клюв, и то и дело вздрагивал.

– А разве здесь нет джентльменов? Ну хотя бы мальчиков?

– Наша... м-м-м... компаньонка вскоре к нам присоединится, надеюсь. Сейчас она с мамой, вдовствующей графиней Гленлорн, – на безупречном английском сказала Меган.

Мсье Лавалль владел французским и, разумеется, английским, однако ни слова не знал по-гэльски. Меган была не вполне уверена, что слово «компаньонка» подходит для представления великолепной мисс Каррадерз. Она не являлась ни камеристкой в полном смысле слова, ни гувернанткой, ни няней... Ее наняли для обучения девушек английскому языку, английскому этикету, английскому стилю в одежде, а также искусству скучнейшей и пусто-порожней болтовни, которую так жаловали в английских гостиных. В обязанности упомянутой мисс входило и беспощадное искоренение всего шотландского. Сорча за глаза обзывала мисс Каррадерз Палачихой, Алана же звала ее Драконшей. Мисс была вездесуща, безжалостна и нетерпима ко всему «неанглийскому». Все трое ее воспитанниц отчаянно скучали по Кэролайн, своей бывшей гувернантке, милой и прелестной леди, что влюбилась в брата девушки Алека и стала его женой.

Как же невыносимо скучно все английское, дружно решили девушки. Мисс Каррадерз была не способна или же попросту не желала обучать их изысканному мастерству светского флирта и тонкой иронии либо преподать им урок искусных салонных сплетен... Меган и ее сестры уже могли по всем правилам попросить передать им булочки, сливки или сахар к чаю и даже потребовать стакан апельсинового сока и прочее в таком роде. Умели также поговорить и о погоде – мол, нынче облачно или ясно, тепло или холодно...

Мисс Каррадерз строго-настрого запрещала воспитанницам малейшие отклонения от банальнейшего списка тем для светских бесед, считая их единственно безопасными и приличными.

– В свете порой не знаешь, с кем говоришь – с графиней или даже с герцогиней. Важно уметь придерживать язычок, чтобы невзначай не обнаружить недостатков воспитания.

Если верить мисс, то воспитание Меган оставляло желать лучшего: она счастливо носилась босиком по холмам, приятельствовала с деревенской ребятней и детьми местных егерей. Боже, что сказала бы какая-нибудь герцогиня, узнав об этом? И что подумал бы какой-нибудь граф, узнав он, что Меган больше всего на свете любит отплясывать народные шотландские танцы на деревенских празднествах под музыку волынщиков, а еще пробовать эль и виски в компании приятелей из Гленлорна? И никакого апельсинового сока!

Девушка попыталась пошевелить пальцами ног внутри неудобных туфель для танцев, которые потребовала надеть мисс Каррадерз. «Ничего страшного, – сказала себе Меган, – Ичэнн вернется раньше, чем я пересеку границу Шотландии, а сюда, в Дандрамми, вряд ли занесет кого-нибудь из приличных английских женихов». Девушка улыбнулась. Нет, искусство вальсировать ей не понадобится, не нужно ей знать и как попросить по всем правилам свежесжатого апельсинового сока...

Мсье снова захлопал в ладоши и приподнялся на носки:

– Компаньонка? Но нам больше не надобно дам! Нам не хватает джентльменов!

Сорча захихикала, Алана вспыхнула, а Меган горделиво выпрямилась.

– Наша матушка не позволит шотландским юношам и порога замка переступить, мсье, и полагаю, отсюда до самого Инвернесса не сыскать ни единого английского джентльмена! Мы здесь, в Дандрамми, словно в женском монастыре... Ну если не брать в расчет вас и мистера Грейвза, разумеется.

Сорча вновь хихикнула, но мсье снова нетерпеливо хлопнул в ладоши:

– Вот и позовите его.

– Мистера Грейвза? – подняла брови Меган.

– Oui. И поскорей, прошу, чтобы мы могли начать урок. Нам необходимы партнеры-мужчины, ну а если вы говорите, что, кроме него, мужчин тут нет...

– Но он же дворецкий! – воскликнула Алана и, охнув, прикрыла рот ладошкой, устыдившись своих слов. – То есть... я хотела сказать, он совсем не умеет танцевать...

«Да и спина у него, похоже, совсем не гнется», – мрачно подумала Меган.

Однако резвая Сорча подбежала к звонку и дернула за шнурок:

– Я тоже думаю, что он не подойдет для танцев, но... очень уж хочется увидеть его лицо, когда он услышит, зачем его позвали! – сказала она по-гэльски.

– Будьте так любезны говорить по-английски! – взъерошил перышки мсье.

– Oui, Monsieur, – ядовитым тоном ответила Меган.

Тут в дверях появился мистер Грейвз, с постным выражением лица и такой прямой спиной, что казалось, будто он проглотил аршин.

– Не подать ли чаю? – спросил он у Меган, обращаясь к ней как к старшей леди в комнате.

– Нам надобны партнеры для танцев. Вы будете танцевать, – прощепетал мсье Лавалль.

– Прошу прощения? – нацелил Грейвз на французика свой горбатый нос.

– Вы танцуете, мсье?

– Нет, не танцую, – со всем мыслимым достоинством отвечивал Грейвз. Лицо его осталось невозмутимым – каким-то чудом это ему удалось.

От Меган не укрылся неподдельный восторг в глазах Сорчи, да и сама она с трудом сдерживала улыбку.

– Но у юных леди совсем нет партнеров! Вы должны! – воскликнул французик, вприпрыжку направляясь к дворецкому через всю комнату.

Он застыл перед дворецким. Кончик его носа едва доставал до средней пуговицы на livрее Грейвза. Алана затаила дыхание, предвкушая нешуточную стычку, однако...

– И что это за танец? – спросил наконец Грейвз. – Шотландская плясовая? Горская кадрили?

Лицо мсье Лавалля страдальчески сморщилось:

– Mais non! Эти юные леди едут в Англию! Я обучаю их тому, что обязана уметь всякая молодая девушка – классической кадрили, полонезу, вальсу...

– А как же английские деревенские пляски? – грозно спросил Грейвз. – На каждом балу непременно бывают английские народные танцы – а уж таких очаровательных девушек тотчас кто-нибудь пригласит! Они должны быть и к этому готовы. Вот когда я был лакеем у герцогини...

Мсье Лавалль хлопнул в ладоши:

– Я полагаю, вы большой знаток английских народных танцев?

Грейвз, слегка зарумянившись, поправил галстук:

– Можно сказать, что да.

– Ой, правда? – выпучила глаза Сорча. – И где же вы этому научились?

Грейвз поглядел на девочку тем снисходительным взглядом, которым дворецкие и светские джентльмены обычно одаривают щенят или малых детишек:

– Как я только что намеревался вам сообщить, некогда я служил лакеем у герцогини Коллидж. Эта добрая леди обожала танцы и прочие увеселения, частенько давала балы. И все слуги дома в свободное время, когда леди не случалось дома, практиковались в искусстве танца – с согласия хозяйки, разумеется. Мы выучили все самые модные танцы...

Мсье Лавалль снова привстал на цыпочки и скрестил на груди руки:

– В самом деле? А вы знаете «Кошачьи следочки»? А «Шалунью мисс Мэри»? Как насчет «Кадрили леди Девоншир»?

Мистер Грейвз усмехнулся – если, разумеется, легкое подергивание щеки может сойти за усмешку. В остальном его лицо оставалось неподвижным, словно маска.

– Разумеется, все эти танцы я знаю, но все они очень стары. В светских кругах «Кошачьих следочков» не танцуют вот уже лет тридцать. Ее светлость предпочитала современные танцы.

– Какие же, к примеру? – спросил мсье, буравя дворецкого пылающим взором своих черных глазок.

– «Новый шаг», иначе именуемый «Причудой принца Эдуарда», или «Брайтонский вальс» – это новейшие танцы, и именно их изучают сейчас все поголовно юные английские леди – чтобы протанцевать их безупречно во время будущего придворного бального сезона, – отчеканил дворецкий.

Меган поклясться могла, что нос мсье Лавалля задергался точно так же, как и его тонкие губы. Щелкнув каблуками, он протянул к дворецкому руки:

– Ну-ка, покажите мне!

– Показать... вам? – отшатнулся Грейвз.

– Про-де-мон-стри-руй-те! – с нажимом повторил француз.

– Мне... танцевать... с вами? – Грейвз с презрением оглядел французика с головы до пят.

Мсье проигнорировал презрительный взор:

– И побыстрее, будьте любезны. Хочу понять, что это за «Брайтонский вальс» или... этот ваш «Новый шаг».

Вздыхнув, мистер Грейвз извлек из кармана белоснежные хлопчатобумажные перчатки и надел их одну за другой:

– Хорошо. Но поведу я...

– Еще увидим! – отпарировал мсье.

Горничная графини, нанятая за непревзойденное искусство сооружать прически и умение играть на фортепьяно, села к инструменту.

– Я готова, – произнесла она.

Мистер Грейвз коротко и с достоинством кивнул и слегка приобнял мсье Лавалля.

Когда комнату наполнили звуки вальса, Меган увидела впечатляющую картину: строгий английский дворецкий вовсю кружил по натертому полу французского учителя танцев – и это в зале, выдавшем на своем веку куда больше разухабистых шотландских плясок, нежели вальсов! Рука мистера Грейвза в белоснежной перчатке покоилась на талии партнера, голова была высоко поднята, колени выпрямлены... и он элегантно кружил мсье в танце. Голова французика, исполнявшего сейчас роль юной дебютантки, склонилась слегка набок, а на губах играла безмятежная улыбка – он вел себя сейчас, как и подобает смущенной деве на первом балу...

– Знаешь, это ужасно забавно, – шепнула Сорча на ухо Меган. – Если бы я могла вот так танцевать каждый день, то, ей-богу, с легким сердцем отправилась бы в Англию!

Это и вправду смотрелось забавно – Меган силилась вообразить себе вальсирующего Ичэнна, обутого в тяжелые башмаки, с пледом, наброшенным на плечи...

– Уверена, в Англии вовсе не каждый день танцуют вальсы!

И вдруг Сорча ахнула. В дверях возникла фигура мисс Каррадерз. Желтые глаза Драконши едва не вылезли из орбит, а рука взметнулась к глухому вороту платья, внушительная грудь вздымалась и опадала при виде ужасного зрелища, открывшегося ее взору.

– Что все это значит?! – взревела она, врываясь в комнату, подобно урагану.

Музыка тотчас стихла, танец оборвался. Грейвз отпрянул от партнера и вытянулся как струна. Выражение его лица не выдавало никаких эмоций.

– Я... демонстрировал юным леди новый танец, – пробормотал мсье. – Всегда предпочтительнее иметь партнера-мужчину.

Мисс Каррадерз сощурилась:

– Предпочтительнее... для кого?

Мсье Лавалль залился краской до самых кончиков своих заостренных эльфийских ушей:

– Для юных леди, разумеется. Ведь в Лондоне они не станут танцевать с... другими юными леди. – Мисс Каррадерз, казалось, стушеввалась, и воодушевленный мсье продолжал: – Cher Madame, если в округе есть другие мужчины, годящиеся в партнеры по танцам – а мисс Меган заверила меня, что таковые отсутствуют, – то можете их пригласить! В противном случае я стану учить барышень так, как сочту уместным! – Француз захлопал в ладоши: – Леди Меган, встаньте в пару со мной. Леди Алана, позвольте мистеру Грейвзу руководить вами!

– Пойдите! – взревела мисс Каррадерз. – Сперва попробую я! – Подступив к дворецкому, она присела в глубоком реверансе: – Вот так следует приседать, юные леди, когда вас приглашает кавалер! – Выпрямившись, она позволила дворецкому приобнять ее за объемистую талию. – И не позволяйте джентльмену чересчур тесно прижимать вас к себе, если вас вдруг пригласят на вальс. Помните, вы вольны позволить это или запретить! Но если вы это позволяете, то не забывайте: лунный свет, музыка и прекрасное лицо незнакомца могут таить опасность!

– Благодарю вас, мисс Каррадерз. Клянусь соблюдать всяческие приличия! – сухо ответил Грейвз, стоя на почтительном расстоянии от дамы и слегка придерживая ее руку.

Драконша вспыхнула до корней волос. Да что там, она сделалась совершенно пурпурной!

– О-о-о... я вовсе не это имела в виду. То есть... я подумала...

На лице Грейвза отобразилось нечто, показавшееся Меган «английским вариантом улыбки». Интересно, неужели все англичане улыбаются столь холодно и надменно? Или только дворецкие? И зачем вообще улыбаться, если делать это столь неискренне?

Грейвз покружил в танце мисс Каррадерз, и она изумленно ахнула, когда он выпустил ее из деликатных объятий. Затем дворецкий поклонился Сорче:

– Вы позволите пригласить вас на тур вальса, мисс Сорча? Разумеется, с любезного позволения мисс Каррадерз...

Меган фыркнула и споткнулась, отдавив ногу мсье. Поморщившись, он укоризненно взглянул на девушку.

– Здесь и со мной такое простительно, леди Меган. Ведь мне заплатят за каждый сломанный палец... Но вообразите, что случилось бы, будь на моем месте какой-нибудь граф или герцог? Non, mademoiselle! Вы не имеете права наступать им на ноги! Будьте внимательнее, прошу!

– Но я вовсе не намерена... – начала было Меган, однако тут в комнату вихрем ворвалась матушка.

В глазах ее стояли слезы, она через всю комнату кинулась к Меган, не обращая внимания на танцующих. Когда она схватила дочь за руки, мсье почтительно отступил.

...Отчего у матушки такие ледяные пальцы? Девушку обуял ужас.

– Боже Всемилостивый, что стряслось, мама?

В голове у нее роились предположения одно ужаснее другого. Алек убит... Кэролайн ранена... Корабль Ичэнна потерпел кораблекрушение, возлюбленный бесследно исчез где-нибудь у побережья неведомых островов...

– О, дорогое мое дитя! Наши мечты сбываются! К нам прибыл английский лорд! Настоящий английский лорд, и он холост! К тому же носит титул графа! О-о-о, Господь услышал мои молитвы...

...Или посылает Меган проклятие за грехи. Она похолодела.

– И он... только что явился?

– Неужели у нас появится достойный партнер для танцев в конце концов? – радостно воскликнул мсье.

– Но как такое возможно? – изумилась Меган. – Английский граф? Здесь?

Ей представилось, что граф сидит внизу в салоне, дожидаясь ее, чтобы схватить в охапку и тотчас уволочь к себе на юг... Внутри у Меган все болезненно сжалось, сердце защемило. Девушка стремглав спаслась бы бегством, если бы мать все еще не держала ее крепко за руки.

А графиня глядела на учителя танцев, обливаясь слезами счастья:

– О нет, мсье, он прибыл вовсе не затем, чтобы помогать вам вести уроки!

– Какая жалость! – сник французик.

– Тогда зачем он приехал? – спросила Меган. – Что ему?...

Но матушка все еще сияла, глядя на француза:

– При чем тут жалость, мсье? Он станет супругом моей дочери еще до Нового года! – Наконец она соблаговолила взглянуть на Меган: – О-о-о, дорогая моя Маргарет, ты станешь графиней!

Меган показалось, что сердце ее выскочило из груди и упало к ногам, подобно мертвой птичке. Алана уставилась на сестру, стремительно бледнея, – без сомнения, она боялась лишь того, что ей придется ехать в Лондон одной... ну если сестрица выйдет замуж. Мисс Каррадерз вновь покраснела.

– А где находится его графство? – спросила неугомонная Сорча.

– Да какая разница! – отмахнулась мать. – Он холостяк – а, стало быть, ему надобна жена. Пэрам необходимы наследники, а для этого им нужно жениться!

– Но почему не на англичанке? – спросила Меган.

– Слышала я, что у дочек английских пэров лица почти сплошь лошадиные... Наверное, он не отыскал себе невесты по вкусу, вот и решил поискать подальше от дома... Как же нам повезло! – восклицала графиня, сама улыбаясь совершенно по-кобыльи.

– Он... здесь? То есть я имела в виду, он в замке? – пролепетала Меган, с ужасом глядя на дверь.

– Сейчас он остановился в деревушке Дандрамми, в гостинице. Все только об этом и сплетничают. А еще говорят, что он подыскивает себе жилье поудобнее, на все лето. Твоей тете донесли, что графа видели вчера в Глен Дориан, подле этих ужасных развалин... Я проследила, чтобы твоя тетушка Элеанор тотчас же послала ему приглашение – и рада сообщить, что нынче вечером граф будет к нам с визитом к ужину!

– Вчера? Но ведь я же сама... – Меган осеклась и умолкла.

...А вдруг он видел ее там вчера? Вдруг скрывался за кучей щебня или глядел сверху, с вершины холма? Кровь бросилась девушке в лицо. Она-то сбежала стремглав из развалин, как дурочка, задрав повыше юбки!..

– Сегодня? Он будет у нас сегодня?

Лишь сейчас весь ужас происходящего дошел до Меган.

– Быстро ступай наверх и готовься! – скомандовала графиня, неодобрительно оглядев простенькое платье дочери. – И твои волосы... Мисс Каррадерз, ее следует причесать в английском стиле и облачить в платье по последней лондонской моде!

Мисс Каррадерз выпрямилась во весь свой гренадерский рост и гордо ответствовала:

– Я за всем прослежу, миледи. Понадобится как следует потрудиться, но к приезду его светлости леди Маргарет будет безупречна! Когда прибывает его светлость?

– К восьми вечера... Как мне кажется, это вполне... модное время для ужина, – заявила графиня.

– Но мы же едва успеем пообедать! – пискнула Сорча, но никто не обратил внимания на слова девочки. Кроме Меган, которая тотчас посмотрела на часы. Девять утра...

– Дорога каждая минута! – воскликнула мисс Каррадерз.

– Мистер Грейвз, мне нужно переговорить с вами и поваром по поводу вечернего меню, – сказала Деворгилла.

Мистер Грейвз отвесил госпоже почтительный поклон. А графиня вновь повернулась к Меган.

– Назначим вашу свадьбу на осень! – вскричала она и вновь стиснула руки дочери, которые были теперь холоднее, чем у нее самой. – Разумеется, мы сыграем ее в Англии, в поместье жениха, где бы оно ни находилось. Ах, сколько всего еще предстоит сделать, голова кругом! Не пора ли нам собирать вещи?

Графиня взглянула на камеристку, все еще сидевшую у фортепьяно:

– Ради бога, не сидите вы сложа руки! Если мы едем на юг, то нам необходимо полностью обновить гардероб! Что сейчас надевают в Англии на свадебное торжество, мисс Каррадерз?

Глаза Драконши засветились, она хищно осклабилась, и обе, воспитательница и графиня, удалились строить грандиозные планы.

О Меган все тотчас позабыли. Девушка понимала, что сейчас запросто может выскользнуть за дверь незамеченной и вернуться, когда обещанный лорд, отужинав, отбудет восвояси.

Однако вдруг возвратилась мисс Каррадерз, деловито засучила рукава, цепко ухватила Меган за руку и потащила наверх.

Глава седьмая

В горах Шотландии вести разносятся стремительно. Кит не прожил в гостинице «Глен Лион», что в Дандрамми, и двух дней, как начал получать *приглашения*. Хозяин гостиницы, суровый горец, самолично взбежал по винтовой лестнице вверх, в покои, которые занимал Кит, первые пять раз, но затем перепоручил беготню своей дочке Катрионе. Поток писем казался нескончаемым.

– Вот еще одно письмецо для тебя, ваше величество, – запыхавшись, сказала хорошенькая дочка хозяина гостиницы и присела в реверансе, когда Кит отпер дверь на ее стук.

– Благодарю, мисс, только я просто «ваша светлость», а вовсе не «ваше величество»... Веснушчатое личико девушки порозовело от радости:

– Ваша светлость? О-о-о... то есть моя светлость? Ну тогда зови меня «твоя Катриона»! Кит взглянул в ее развеселые глазки, и по спине у него побежали мурашки.

– Нет, не «ваша личная светлость», мисс...

– Катриона! – поправила его девушка.

– Ну да, Катриона, – смиренно согласился Кит. – Я не «ваша светлость»... то есть не «твоя»... – И уже чувствуя, что сам запутывается, закончил: – И уж точно не «ваше величество». Зови меня просто «милорд»!

– Своя собственная светлость, что ли? – нахмурила девица бровки.

– Я граф, – спокойно принялся растолковывать ей Кит, – как у вас тут, в Шотландии, зовут графов?

– Ну... вот графа Босуэлла зовут, кажись, Джейми, – подумав честно, отвечала Катриона.

Кит едва не заскрежетал зубами от злости, однако сдержался:

– Что написано на тех письмах, что ты мне сюда таскаешь?

– А-а-а-а, на письмах! – просияла девица. – Но читать-то я не обучена!

– Ну тогда зови меня просто Россингтон, – тяжело вздохнул Кит.

– А можно попросту Росс? Есть у нас в соседней деревне парень по имени Росс... Росс Макинтош, он кузнец.

Кит вновь не смог сдержать вдоха и жалобно попросил:

– Не принесешь ли мне горячей воды, Катриона?

– Чайку хотите испить? – спросила девица, накручивая на пальчик темный локон.

– Нет, хочу искупаться. Меня ждут к ужину в замке Дандрамми.

Катриона хихикнула:

– Ох, как здорово-то! Леди Элеанор – сама доброта!

– Знаю, – спокойно кивнул Кит. – Именно она меня и пригласила, эта добрая леди. И если вы не возражаете, мисс... Катриона, то я предпочту не опаздывать. Поэтому горячая вода нужна мне незамедлительно.

– Неза... чего-о? – округлила глаза Катриона.

– Это значит прямо сейчас!

Протянув руку, он забрал у девушки очередное письмо, после чего Катриона наконец удалилась восвояси. На полпути к лестнице она все же остановилась:

– Тогда пойду чайник на огонь поставлю... – Девица одарила Кита мечтательной улыбкой: – А спинку вам потереть не надобно?

– Для этого у меня есть камердинер, – отчеканил Кит и захлопнул дверь, прежде чем Катриона успела осведомиться о том, какой титул носит мистер Лесли и женат ли он.

– Похоже, юная леди порядком ошалела, милорд, – поддразнил хозяина Лесли, который аккуратно раскладывал на постели вечерний костюм.

– От души надеюсь, что причиной этому ты, а вовсе не я, – огрызнулся Кит, стягивая через голову рубаху и швыряя ее камердинеру.

– Даже не надейтесь, – отвечал безжалостный Лесли. – Пора бы вам уже привыкнуть. Когда дело касается вас, девичьи лица всегда приобретают такое выражение – я видел это уже множество раз. Несомненно, что и здесь, среди вересковых пустошей Шотландии, вы не испытаете недостатка в женском внимании.

Кит нахмурился:

– Вот уж чего мне ничуть не надобно! Я приехал сюда, чтобы насладиться одиночеством...

Когда принесли горячую воду, Кит залез в нее, а Лесли потихоньку стал подливать туда воду из чайника.

– Если какие-нибудь девицы или дамочки станут расспрашивать тебя обо мне, пока мы тут время проводим, ничего им не говори. Ясно? – предупредил Кит камердинера.

– Яснее ясного, милорд, – откликнулся Лесли. – Видите ли, дело в том, что... ничего и говорить-то особенно не нужно. Потому что хозяйская дочка прекрасно обо всем осведомлена. И язычок у нее что помело. И она говорит...

– Да ну? И что же она говорит? – высунулся Кит по пояс из воды.

– Совершенно очевидно, что места эти изобилуют незамужними барышнями – здесь их зовут исключительно девицами, – и все они весьма заинтригованы вашим появлением и желают с вами познакомиться. Мисс Катриона заявила, что если вы не сойдете вниз к ним, то они поднимутся к вам. Девицы уже приезжают одна за другой. Внизу их собралось уже немало. А хозяин гостиницы принимает ставки – на которой девице, мол, вы женитесь... Кузнец уже предупрежден на случай внезапного и стремительного брачного союза, обо всем доложили и священнику, если свадьба будет по всем правилам церкви. Сейчас все девицы собираются в комнате для чаепитий на... смотрины. Когда я в последний раз туда заглядывал, там сидели уже шесть прелестниц.

Кит остолбенел от леденящего ужаса. Он поглядел на дверь, от души надеясь, что замок достаточно прочен.

– А нельзя ли попросту объявить всем им, что я не намереваюсь жениться?

– Так они и поверили, милорд! Сами знаете, английские леди тоже вовсе не спешат этому верить...

– Завтра же съезжаем отсюда! – решительно объявил Кит.

– Прекрасно, милорд. Начинаю укладывать багаж. Мы возвращаемся в Англию?

Поразмыслив, Кит отвечал:

– Нет. – И намыливая грудь и голову, отфыркиваясь, произнес: – Просто подыщем другое жилье. Разузнай, есть ли в Инвернесе надежные деловые люди. Если кто-нибудь найдется, мне немедленно нужно с ними повстречаться.

– Нынче же вечером? – упавшим голосом спросил Лесли. – Но как же леди Фрейзер?...

– Ну хорошо, завтра... – Или завтра может быть уже поздно. Кит вновь ощутил приступ ужаса. – Скажи мне, Лесли, леди Элеанор Фрейзер, случаем, не молодая дама?

Граф принял приглашение леди Элеанор, поскольку Дандрамми располагался совсем близко от Глен Дориан, местечка, вызывающего у него массу вопросов.

– Боюсь, что нет, милорд. Насколько я смог себе уяснить, это почтенная пожилая женщина.

– Вот и прекрасно!

По крайней мере этим вечером никаких сюрпризов не предвидится, а пожилая леди наверняка окажется такой же милой и доброй, как и его покойная бабушка. Пожилые леди обычно знают все местные предания и историю своего края. А вдруг леди Фрейзер помнит

и битву при Каллодене? И Натаниэля? Или даже Майри Макинтош – но это если она совсем стара... Да, шанс невелик. Но вдруг что-то рассказывала ей об этом ее мать? Или бабушка?

Кит вылез из ванны и взял полотенце, почтительно протянутое камердинером. Он раздумывал, как бы поддипломатичнее разузнать, на самом ли деле в Глен Дориан скрыто некое сокровище.

Через час Кит был уже одет с головы до ног и готов к выходу.

– Вы выглядите великолепно... с вашего позволения, милорд! – оценил Лесли наружность хозяина.

Впрочем, он всегда высоко оценивал дело собственных рук.

Кит кинул последний взгляд в мутноватое зеркало:

– Кажется, для здешнего захолустья я одет даже чересчур парадно.

– Хозяин гостиницы предложил, чтобы вы накинули плед, но мне трудно вообразить себе подобное. Думаю, лучше вам выглядеть привычно – так, как вы ходите с визитами дома, в Англии.

– Твоя правда, Лесли! – Кит подхватил со столика шляпу и перчатки. – Я вернусь до полуночи.

«Ведь пожилые леди обычно рано отходят ко сну», – подумал он. К тому же завтра с раннего утра он намеревался уехать из этой дыры.

– Буду ждать вас, милорд. Может быть, покуда вы в гостях, мне пересмотреть все приглашения и подобрать вам подходящие костюмы для визитов? Вы приглашены на состязание по стрельбе, на бал, на пикник...

– Мы не за этим сюда приехали, Лесли. Мы здесь за приключениями, а для этого вовсе не надобен костюм с иголочки, скорее даже наоборот...

Эта идея очень нравилась Киту: ему хотелось бродить в рубахе с закатанными рукавами, без галстука и даже без камзола. Но Лесли, похоже, такая перспектива ужасала.

– Ну-ну, состязание по стрельбе будет только через неделю, у нас еще масса времени, – утешил Кит своего камердинера. – На столе список всего того, что мне потребуется. Будь так любезен, разузнай у хозяина, где это можно добыть, хорошо?

Кит вышел из комнаты. Услышав воркование голубей, доносящееся с чердака, он помешкал. Похоже, птицы понастроили гнезд под застрехой ветхой гостинички. Как мило, подумал он... но тут какая-то птичка истошно заорала, отчего у Кита душа ушла в пятки.

...Это были вовсе не голуби. У подножия лестницы стояла мисс Катриона Фрейзер, прелестная дочка хозяина гостиницы, а с ней вместе – еще около дюжины юных барышень, по-здешнему девиц, и все они при виде молодого человека заворковали, а кто-то даже завизжал...

Проблема заключалась не в том, что для Кита подобное внимание было непривычно. Увы, вовсе даже напротив. С тех пор как он унаследовал титул, женщины не давали ему покоя. Он был хорош собой, богат и знатен – ну просто идеальный жених. Сам же Кит мечтал вернуться в те времена, когда барышни, желающие выгодного брака, едва замечали его, когда он мог всласть пофлиртовать без особых последствий и риска... Но теперь он стал графом и надобен бесчисленным девицам на выданье лишь в качестве законного супруга. Теперь он даже не рискнет просто поговорить с девушкой, ибо это может быть превратно истолковано... Киту, разумеется, нравились хорошенькие личики и сдобные женские прелести, впрочем, как и любому нормальному мужчине. Просто он не желал оказаться в ловушке несчастливой жены, подобно сестре Арабелле. Как бы граф ни лез из кожи вон, он не мог убедить окружающее общество в том, что не ищет себе жены и не желает даже просто покурвиться ни с кем из девиц на сеновале гостиницы...

Он прибыл сюда в поисках сокровища, а еще – чтобы разгадать тайну.

– Доброго всем вечера! – вежливо поприветствовал он стайку девиц, стараясь не встретиться взглядом ни с одной из них. Поспешно запрыгнув в карету, он задернул занавески и не открывал их до тех пор, пока они не покинули пределы деревни.

Замок Дандрамми был мощным, почти квадратным, стены сложены были из коричневого камня – это оказалась весьма добротная постройка. Кит слегка разочаровался: он-то ожидал увидеть нечто древнее, дикое, варварское, подлинную обитель горного клана, крепость, достойную истинных воителей... Однако этот замок выглядел вполне прозаично, как и подобает жилищу пожилой леди. Это впечатление усиливали тщательно подстриженные клумбы с розовыми кустами по обе стороны от парадного входа.

Но вот сама входная дверь... Эта дверь тотчас воспламенила воображение графа. Эта старинная дверь хранила на себе следы огня и непогоды и вовсе не выглядела гостеприимной. Обитая почерневшим от времени железом, она одинаково неприветливо встречала и гостей, и потенциальных завоевателей, в особенности англичан, как показалось Китау...

Не менее суровой двери поразил Кита облик идеального английского дворецкого, облаченного в безупречную английскую ливрею. Кит ожидал увидеть живописного слугу-шотландца, который с презрительным прищуром оглядит саксонца, осмелившегося постучать в негостеприимные двери...

Однако Кита радушно пригласили в дом и даже проводили в гостиную – весьма английскую гостиную, отделка которой восхитила бы даже его взыскательную матушку. Да, это вовсе не суровое жилище мужественных горцев. Надежды Кита таяли как дым...

– Граф Россингтон! – торжественно провозгласил дворецкий.

С изысканных стульев, достойных покоев самого принца-регента, тотчас поднялись две дамы.

– Доброго вам вечера, милорд. Как мило с вашей стороны, что не пренебрегли нашим приглашением! – воскликнула дама помладше, уже далеко не юная, но совсем еще не старая.

И она ринулась к Китау через всю гостиную, схватила его за руки, словно родственника, с которым повстречалась после долгой разлуки.

Кит тотчас распознал до боли знакомый ему взгляд – холодный, оценивающий размеры его состояния. Дама внимательно разглядывала его дорогой костюм, мысленно прикидывая, сколько стоит галстучная булавка и вечерние туфли...

Он не единожды становился мишенью подобных взглядов – так матушки незамужних барышень смотрели на состоятельных холостяков. Кит похолодел. Где-нибудь наверху, до времени скрытая от посторонних взоров, наверняка томится дочка, которой позарез надобно замуж! Кит мельком подумал, что мощная дверь предназначена вовсе не для того, чтобы отваживать непрошенных гостей, а чтобы попавшийся в западню мужчина не смог ускользнуть... И ему захотелось вдруг кликнуть дворецкого, подхватить шляпу и бегом бежать отсюда.

– Я графиня Гленлорн, леди Деворгилла Макнаб. Мои дочери с минуты на минуту спустятся к нам...

Дочери! Кит зябко передернул плечами. Еще и не одна... Сколько же их? Он пожалел, что не прихватил с собой какого-нибудь оружия.

– Деворгилла – вдовствующая графиня Гленлорн, – с дьявольской ухмылкой произнесла старшая дама на безупречном английском. Однако на плечах у нее красовалась клетчатая шотландская шаль, которую она весьма горделиво оправляла. – Она в изгнании. Ее пасынок – граф Гленлорн, и они друг друга решительно не выносят. Поэтому бедняжка и приехала сюда, ко мне. Я леди Элеанор Фрейзер, золовка Деворгиллы и хозяйка этого замка.

– Элеанор, что подумает граф? – с легкой укоризной воскликнула Деворгилла, хотя глаза ее метали молнии, способные испепелить любого. Но только не величественную Элеанор Фрейзер...

Хозяйка замка без всякого стеснения оглядела Кита с головы до ног:

– Он волен думать все, что захочет. Извольте присесть, лорд Россингтон, и позвольте мне приступить, наконец, к обязанностям гостеприимной хозяйки. Желаете плоток доброго виски?

– Благодарю, не откажусь. Ваш замок... он...

Кит не мог выдать положенных вежливых слов: очаровательный, элегантный, романтичный. Слишком уж замок напоминал его родной дом.

– Хорош, не правда ли? – совершенно по-девичьи улыбнулась Элеанор и повернулась к вдовствующей графине: – Молодой человек очень недурен собой, да и манеры у него безупречные!

Кит почти физически ощущал надвигающуюся катастрофу. Леди Деворгилла обеспокоенно посмотрела на дверь, наверняка в ожидании юных леди, что усиленно прихорашиваются наверху... Кит вспомнил девиц из гостиницы и подумал, что угодил в переделку, куда более серьезную. Там, наверху, затаились несколько девушек, созревших для брака и мечтающих о той благословенной секунде, когда, появившись в дверях, поразят его в самое сердце, и он, упав на колени, сделает предложение одной из них... а то и всем сразу! Интересно, шотландский закон позволяет многоженство? Кит беспокойно заерзал и ухватился за стакан виски, поднесенный дворецким на серебряном подносе, словно утопающий за соломинку. Он едва не попросил оставить подле него весь графин...

Часы на каминной полке тикали. Леди Деворгилла прихлебывала шерри из маленького стаканчика, не сводя глаз с гостя. Ему начало казаться даже, что дама, точно змея, вовсе не моргает. Леди Элеанор продолжала изучать графа, словно ожидая начала грандиозного представления, намеченного на сегодняшний вечер. Отчаяние Кита усугубилось.

Учитывая высокий титул матери, юная леди наверняка графская дочка. Если судить по роскошному туалету графини, дочку наверняка воспитывали для того, чтобы в один прекрасный день выгодно выдать замуж. Девушка, разумеется, идеальная невеста, искусенная в искусстве великосветского флирта, с безупречными манерами, а также прекрасно понимает, в чем состоит долг жены, матери и графини. Разумеется, она будет совершенно обворожительна, а через некоторое время, этим же вечером, она или ее матушка заведет разговор о размере ее приданого, а также о талантах, коими наделена барышня. Кит скривился и подавил желание дернуть себя за ухо, опасаясь, что в самое ближайшее время этому органу предстоит испытание в виде пения безголосой дебютантки, напрочь лишенной музыкального слуха. Он жалобно взглянул на фортепьяно, стоящее в углу гостиной, словно пыточное орудие, ожидающее свою жертву...

И что хуже всего, ему, похоже, придется откланяться, ровным счетом ничего не узнав про Глен Дориан.

– У нашей Меган есть сестры, как вы уже поняли, – вдруг бесцеремонно объявила Элеанор Фрейзер. – Нет ли у вас неженатых братьев или кузенов?

Все волоски на коже Кита, казалось, встали дыбом. Неужели вся его семья в опасности? Неужели на них затеяли охоту – с тем, чтобы женить всех его родственников против их воли?

– Мой единственный брат обвенчался со своей избранницей всего два месяца назад, миледи...

– Какая жалость! Если бы он немного подождал, участь Деворгиллы была бы много легче... – вздохнула Элеанор.

Щеки Деворгиллы побагровели:

– Маргарет... ее зовут Маргарет! Ну, нашу Меган... ее на самом деле зовут Маргарет. А из какой части Англии вы родом, милорд?

«Ну, вот и началось».

– Моя основная усадьба находится в Дербишире, – отвечал Кит, делая порядочный глоток виски.

...Поистине чудесный напиток! Графу сразу стало чуть легче, он немного расслабился.

Глаза графини загорелись:

– О-о-о, как это прекрасно!

– Да, там очень мило в это время года, – кивнул он.

Ему вдруг мучительно захотелось оказаться дома, в обществе Арабеллы и ее неуправляемых детишек...

– А она... большая? Ну, ваша усадьба?

Графиня буквально пожирала глазами бедного Кита, щеки ее слегка порозовели.

Выпитый виски слегка ударил Киту в голову. Он шаловливо улыбнулся графине:

– О да, очень!

Хищница прижала руку к сердцу:

– Ах, где же Мег... куда запропастилась наша Маргарет? – Она вскочила на ноги. –

Пойду-ка я посмотрю...

Кит с улыбкой наблюдал, как она стремглав выбежала вон из гостиной.

– Насколько я поняла, вы интересуетесь замком Глен Дориан? – спросила Элеанор, когда ее золовка скрылась за дверью.

– Я намерен его арендовать, – кивнул Кит.

– Арендовать? – изумилась Элеанор. – Боже, зачем вам это понадобилось?

Глаза пожилой дамы загорелись в ожидании его ответа.

– Мой двоюродный дедушка когда-то провел здесь несколько месяцев. Он упоминал о замке Глен Дориан.

Элеанор вздернула седые брови:

– О, понимаю... Так он был солдатом?

Кит покрепче сжал стакан с виски:

– Да.

– А вам известно о проклятии?

– О проклятии? – силясь не обнаруживать интереса, переспросил Кит.

Леди Элеанор подалась к нему:

– Ну да... говорят, что Майри Макинтош наложила проклятие на долину. Сердце ее похоронено среди камней старого замка, и она поклялась, что никто не сможет поселиться в этих стенах, если не будет чист душой и не обретет настоящей любви. Старые легенды гласят, что тех, кто выдержит испытание, ожидает великая награда, а тех, кто осмелится вторгнуться туда обманом, – великие печали... Неужели вы верите в древние легенды и проклятия и тому подобную чушь, лорд Россингтон?

Глядя в насмешливые глаза старухи, Кит на мгновение почувствовал, что... верит. Он словно ощутил, как его касаются незримые руки, услышал чей-то еле уловимый шепот, чей-то легкий вздох...

– Нет, разумеется, – отвечал он с обворожительной улыбкой.

Леди Элеанор откинулась на спинку кресла:

– И снова жаль... Замок Глен Дориан не примет вас, юноша, ведь вы англичанин. Именно английские солдаты сожгли замок после битвы при Каллодене. Макинтоши бежали и скрылись, они исчезали один за другим – все, кроме Майри. Она умерла тут, в долине, томясь ожиданием и бесплодной надеждой. С тех пор там больше никогда никто не жил. – Леди Элеанор протянула свой стаканчик и чокнулась с Китом. – Что ж, желаю вам удачи, если вы решитесь тут остаться...

Кит приготовился было слушать пожилую женщину и дальше, но тут за дверью послышался шелест шелков и тихий звук шагов ножек, обутых в вечерние шелковые туфельки...

Кит вскочил на ноги, приготовившись к потоку сладких улыбочек, к хлопанию ресниц, к долгой и мучительно скучной светской беседе. Все это призвано завлечь его в западню, которая затем плотоядно захлопнется... Когда в комнату вошла юная женщина, Кит непроизвольно сделал шаг назад.

Она не улыбалась. Наоборот, она сердито хмурилась, устремив на Кита обжигающий взор темных глаз. Но тут мать, видимо, подтолкнула дочь вперед – да что там, она просто толкнула бедняжку, – и девушка опустила ресницы...

Она не жеманничала. Просто присела в коротком реверансе, резко и явно неохотно.

Она ни слова не проронила, когда ее представили как леди Маргарет Макнаб. Она словно воды в рот набрала. Лишь однажды ее взгляд скользнул по лицу молодого человека, но она сразу отвела глаза – и у Кита возникло ощущение, что его оценили и тотчас отвергли. Взгляд ее теперь устремлен был на узел его галстука.

Она не ринулась к нему, не протянула для поцелуя трепещущую руку, не глядела на него восхищенным взором. Графиня же улыбалась, теша себя надеждами, и без умолку перечисляла достоинства дочки. Кит следил за тем, как щеки юной леди Маргарет сперва слегка порозовели, затем приобрели оттенок темной розы и вот, наконец, стали совершенно алыми...

«Леди Деворгилле и вправду есть чем гордиться», – подумал Кит. Ей удалось сделать из дочери изумительную, совершенную дебютантку – начиная с прически, довольно замысловатой и элегантной, заканчивая скромной нитью жемчуга на нежной шейке и явно дорогим модным платьем.

Платье было совершенно мерзкое: ярко-розовое, украшенное по подолу и на плечах лавандовыми рюшами. Щечки девушки теперь приобрели почти тот же цвет, что и платье, вернее, рюши, а губы плотно сжались. Темные волосы юной леди были высоко подняты и безжалостно заколоты бесчисленными шпильками. Вся эта безумная конструкция, ко всему прочему, была украшена какими-то бесстыдными розочками, ленточками и заколками с драгоценными камнями. И все это девушке совершенно не шло.

– Добрый вечер, леди Маргарет! – произнес Кит.

И она подняла на него глаза. В этих глазах явственно читалось предостережение, не менее явное, чем то, что излучала тяжелая входная дверь замка Дандрамми. На мгновение он опешил. Вскинув упрямый подбородок, девушка глядела ему прямо в глаза. Длинные и густые ее ресницы не дрогнули, не опустились...

– Я леди Меган! Маргарет – это кличка, данная мне матерью. А вы, верно, лорд Россингтон из Англии. Позвольте узнать, отчего и зачем вы прибыли к нам в Шотландию?

Девушка не сделала ни малейшей попытки скрыть свой шотландский акцент. Голос ее обволакивал, словно нежный шелк. Да и глаза у нее были потрясающие – причудливая смесь золота, зелени и тепло-коричневых тонов... цвета шотландских гор.

«Да она красавица», – подумал Кит, но тотчас одернул себя и спрятал руки за спину.

– Я приехал сюда, чтобы отдохнуть, – пробормотал он.

Девушка попыталась было кивнуть, но тотчас вспомнила про свою умопомрачительную прическу и коснулась ее рукой. К ее ногам дождем посыпались лепестки роз.

– Граф прибыл сюда, чтобы посетить замок Глен Дориан, – сказала Элеанор.

Кит заметил, что глаза Маргарет... то есть Меган, расширились, а щеки приобрели румянец куда более приятного оттенка. Она слегка подобрала юбки, подхватила дурацкий шлейф и отошла от гостя в другой конец комнаты.

Появись эта Маргарет-Меган в Лондоне, она идеально вписалась бы в круг светских прелестниц... до тех пор, пока не заговорила бы или не стала двигаться. Осанка ее была столь горделива, а движения – столь резки и порывисты, что видно было: девушка привыкла бегать, а не чинно ходить. Встав у самого камина, она принялась украдкой изучать графа.

– Позвольте представить мою среднюю дочь, – проворковала Деворгилла, и только тут Кит заметил еще одну барышню. – Это Элис.

Девушка зарделась и присела в реверансе. Ее тоже облачили по последней моде, но в зеленые тона. Она была скромна, застенчива и вовсе не поднимала глаз. Кит решил, что эта девушка не его типа... если вообще можно говорить о его излюбленном типе девушек.

– Можете звать ее Аланой, если вам угодно, – объявила Элеанор.

– А откуда вы прознали про Глен Дориан? – спросила вдруг Маргарет-Меган.

Она пристально глядела на него из дальнего угла комнаты, но Кит ощутил этот взгляд кожей, словно касание пальцев.

– О нем упоминал мой двоюродный дедушка. В доме, который сейчас перестраивается, я нашел его старый дневник.

Он решил не упоминать о письме Майри, однако девушка еле заметно прищурилась, и Кит понял: от нее не укрылось, что он кое о чем умолчал.

– Стало быть, приятные воспоминания, – едко произнесла она.

Кит взглянул на барышню сурово, она ответила ему не менее тяжелым взглядом – будто сталь звякнула о сталь...

– Вы обнаружили дедушкин дневник в Дербишире? – спросила графиня.

– Нет, в Нортумберленде, миледи.

– Стало быть, у вас два поместья? – восхищенно ахнула она.

Кит вежливо улыбнулся и уклонился от уточнений. Он уже понял, что упоминание о втором имени прозвучало для алчной женщины, точно звон золотых монет. Кит искоса глянул на леди Маргарет-Меган – она сурово глядела на него. Когда взгляды их вновь скрестились, словно клинки, она не отвела глаз.

– Насколько я понял, и вы тоже здесь на отдыхе, миледи, – произнес он.

Девушка вновь вздернула подбородок – какое-то завораживающее, совершенно лебединое движение...

– Мой брат совсем недавно женился. Мы с сестрой уехали погостить к маме, чтобы не мешать Алеку и Кэролайн насладиться медовым месяцем, – ответила девушка.

– И вам нравится тут, в замке Дандрамми?

– Разумеется, – сказала она, однако Кит прочел в ее глазах прямо противоположное: настороженность и даже, пожалуй, страх.

Какого же цвета у нее глаза? Но девушка вдруг брезгливо изогнула бровь, и Кит понял, что совершенно беззастенчиво на нее пялится. Тогда он принялся разглядывать леди Элис. Та безмолвно сидела подле матери – видно было, что происходящее ей любопытно, но девушка вела себя скромно. Кит понял причину этой скромности – ведь он предназначался вовсе не ей, а старшей сестрице. Кит улыбнулся девушке, и та тотчас зарделась. Да, у вдовствующей графини Гленлорн прелестные дочери. Они, разумеется, легко подыщут себе мужей, но только его им подловить не удастся!

– Что-то обед запаздывает, – раздраженно проговорила Элеанор.

– Я попросила Грейвза немного задержаться с подачей кушаний, – откликнулась Деворгилла. – Я подумала, что за обедом мы сможем... н-ну... отметить...

Она одарила Кита чарующей улыбкой, поднялась и простерла руку по направлению к старшей дочери.

Сердце Кита буквально остановилось от ужаса.

– Я хотела сделать предложение...

– Прошу, подними тост за здоровье его светлости, Деворгилла! – попыталась оборвать ее Элеанор. – Вы же только познакомились!

– Я хотела сделать брачное предложение, – твердо отчеканила Деворгилла, будто не слыша увещаний золовки. – С радостью выпью за помолвку лорда Россингтона и моей Маргарет.

Выпитый Китом виски тотчас попросился из желудка наружу. Вскочив с кресла, он уставился на вдовствующую графиню. А та, сияя, уже устремилась к нему – однако Меган, словно не замечая руки, протянутой матерью, замерла у камина, словно статуя. Кит боялся поднять глаза на девушку.

– Разумеется, все детали мы обговорим с графом Гленлорном, моим пасынком, но сегодня вечером...

Графиня трещала без умолку, но Кит уже ее не слушал.

– Нет! – раздался отчаянный крик.

Это кричала Меган Макнаб. Судя по ужасу, написанному на ее лице, это означало решительный отказ.

Графиня повернулась к дочери:

– Не глупи, Маргарет! Одного взгляда довольно, чтобы понять: вы с его светлостью прекрасная пара. Да и Алек возражать не станет – ему нет никакого резона! А осенние свадьбы чудо как хороши... Если ты хочешь этого брака и если его светлость его желает, то я не вижу препятствий к тому, чтобы нынче же отпраздновать вашу помолвку!

Нынче же? В ушах Кита зазвучал тревожный набат, а вовсе не свадебные колокола...

– Но я не собираюсь жениться, – отчеканил он. – И *на ней* я не женюсь никогда!

Меган перевела взгляд с матери на молодого человека. Рот ее удивленно раскрылся, а румянец на щеках уступил место мертвенной бледности. Ну да, он мог бы выразиться поучтивее, но... Теперь оправдываться уже поздно...

Маргарет-Меган Макнаб решительно скрестила на груди руки и сощурилась:

– А я никогда не выйду *за него*!

И вот странность, у Кита вдруг возникло чувство, что его жестоко оскорбили... Никогда прежде не ощущал он подобного унижения!

– Вы никогда не?... – процедил он, стиснув зубы. – А я-то, болван, рассчитывал на тихий вкусный ужин! Я вовсе не предполагал, что на меня набросятся из засады!

– Убирайтесь! – ответила девушка. – Никто вас более ни на мгновение не задерживает.

Подняв руку, она невозмутимо принялась одну за другой вынимать шпильки из своей причудливой прически, с отвращением швырять на пол глупые розочки – и вот густейшие темные пряди заструились по ее плечам.

На мгновение Кит лишился дара речи. Он лишь молча наблюдал за превращением заурядной дебютантки в ослепительную красавицу.

Графиня-матушка охнула:

– Ч-что ты делаешь? Умоляю, Маргарет...

Но ответом ей был лишь звук падающих на пол шпилек. Девушка разругалась, лицо ее словно озарилось изнутри, а роскошные волосы обрамляли его роскошными волнами. Она выглядела так, словно только что поднялась с ложа любви... или готова возлечь на него вновь.

– Я Меган, мама! Мое имя Меган! – Она прибавила еще что-то по-гэльски, отчего лица ее матушки и сестры вспыхнули, а тетушка захихикала.

Киту показалось, что его вновь прилюдно оскорбили. Он почувствовал, что мучительно краснеет. Тогда он встал и церемонно поклонился:

– Позвольте пожелать всем спокойной ночи. Мне было весьма... – Он запнулся. Нет, он не мог произнести слова «приятно». – Я признателен вам за то, что пригласили меня, леди Элеанор!

– Небось вспомнили о предыдущей своей помолвке, милорд? – едко поинтересовалась Меган. – От души желаю удачи несчастной девушке!

Кит вспыхнул:

– В свою очередь, желаю удачи вашему будущему супругу, миледи! – И залпом осушил свой стакан. – Не сомневаюсь: удача ему ох как понадобится! А еще много-много виски!

И удовлетворенно заметил, что стрела достигла цели: девушка ошеломленно заморгала и личико ее исказила гримаса злобы. Она явно не понимала, что на него нашло... Будучи хорошо воспитанным, с молодых ногтей впитав уважение к прекрасному полу, Кит готов был уже рассыпаться в извинениях... Однако первостатейная ярость, написанная на личике красотики, заставила его передумать. Прекрасные глаза Меган потемнели, став почти черными.

– Уходите!

Граф прочел этот приказ по ее губам, поскольку вдовствующая графиня верещала во весь голос, и сквозь этот визг ничего нельзя было расслышать.

Развернувшись на каблуках, Кит вышел вон из гостиной. Какое право имеет эта девица чувствовать себя оскорбленной? Он граф, он богат, хорош собой и вообще абсолютно очарователен... ну почти всегда. Он ожидал потоков слез, воплей отчаяния, но Меган Макнаб не проронила более ни слова. Было яснее ясного: он отвергнут и позабыт как дурной сон.

Когда Кит в прихожей ожидал дворецкого, который должен был принести ему его шляпу, мимо него горделиво прошествовала Меган. Она одарила его испепеляющим взглядом и принялась подниматься вверх по лестнице. Подбородок ее был высоко поднят, а движения плавны и ленивы – девушка прошла мимо него, словно он был пустым местом. Кит завороченно следил за плавными покачиваниями ее бедер, а когда где-то наверху оглушительно хлопнула дверь, вздрогнул, будто очнувшись...

И тут заметил, что леди Элеанор тоже провожает взглядом племянницу.

– Жаль, что вы не можете с нами отужинать, но... я прекрасно вас понимаю. Поверьте, я и сама не смогла бы проглотить ни кусочка. Н-да... нужно время, чтобы все это пережить. Боюсь, что и за завтраком у меня совершенно не будет аппетита!

– Примите мои извинения, леди Фрейзер. Но я вовсе не ожидал...

– Полно, голубчик, не оправдывайтесь! Ничего не потеряно: в горах вот-вот откроется охотничий сезон. Не сомневаюсь, что Деворгилла подыщет там себе подходящую дичь... из числа охотников. А вот и Грейвз, и ваша шляпа, наконец! Наша деревушка невелика, милорд, так что если вы решитесь тут задержаться, то мы, вне всяческих сомнений, еще увидимся!

Грейвз распахнул двери с таким невозмутимым видом, словно отбывающие до начала ужина гости были тут в порядке вещей. Впрочем, ежели всех джентльменов тут принимают таким манером, то удивляться нечему. Коляска графа была уже готова, он запрыгнул в нее, и лошади взяли с места в карьер.

Откинувшись на обтянутую бархатом спинку сиденья, Кит смотрел, как исчезает из вида замок, а вот уже вдали замерцали огоньки деревеньки... Что ж, он в очередной раз избежал помолвки с полной надежд дебютанткой, сумел отвязаться от очередной расчетливой мамыши. В очередной раз ему удалось сохранить свободу.

Он глядел в темноту сквозь окошко коляски, а видел сверкающие глаза, темные локоны, обрамляющие пылающие щеки... и отчего-то ощущал легкое сожаление.

Глава восьмая

Меган еще долго смотрела на двери, через которые вышел Кит. Говорить она не могла. Впрочем, никто не мог – в силу разнообразных причин.

...Подобного красавца девушке встречать покуда не приходилось. Меган тряхнула головой, отгоняя навязчивое видение. Потому что с таким грубияном она тоже еще не сталкивалась...

В зеленых глазах Аланы, устремленных на сестру, застыло сожаление. Все случившееся было в высшей степени оскорбительно, унижительно и... абсолютно ужасно. Да как он посмел? Этот мерзавец обошелся с ней, словно с уличной шлюхой, хотя матушка сделала все, чтобы он счел ее таковой! А матушка отчего-то была уверена, что граф прибыл в горную Шотландию в поисках невесты!

...Неужели она столь отвратительна? О, как это унижительно! Наверняка лондонские щеголи отнесутся к ней точь-в-точь так же! И Меган похолодела от ужаса...

Деворгилла уставилась на дверь, будто не веря собственным глазам. Казалось, она ждала, что граф вот-вот одумается и вернется. Но томительные секунды текли, и никто не появлялся. Деворгилла покраснела от злости, подбирая слова, чтобы выразить свое унижение, разочарование... или ярость. Меган от души надеялась, что матушка в ярости. Однако ярость эта была направлена вовсе не на лорда Россингтона, унижившего дочь, а на несчастную Меган.

– Беги за ним, верни его! – прошипела мать.

Однако Меган и шагу не сделала.

– Я никуда не пойду. Как ты могла сотворить... такое, мама?

– Вот-вот. Это было в высшей степени неделикатно, – раздался спокойный голос Элеанор. – Позвоните кто-нибудь на кухню, наконец! Может быть, ужин уже готов? Ума не приложу, что принесло этого молодца в Глен Дориан!

– Он явно приехал не на поиски невесты, это уж как пить дать! – злобно фыркнула Деворгилла.

Алана заморгала, глядя то на Меган, то на мать, то вновь на Меган, и явно гадая, кого из них начать утешать и как сделать это поделикатнее.

– И уж явно не на поиски Меган, – отважилась она произнести наконец.

Сестра обожгла ее взглядом, и Алана съежилась.

Щеки Меган пылали огнем. Никогда в жизни ее так не унижали! Этот малый вел себя так, словно ему предложили облобызать жабу... Он был до смерти перепуган. Граф вполне мог превратить все в шутку, мило посмеяться и остаться на ужин, но спасся бегством так, словно за ним гнался сам дьявол...

...А может, все дело в платье? Но модистка с пеной у рта уверяла, что наряд сидит идеально и скроен по последней моде... Меган мечтала о том, как, добравшись до своей комнаты, сорвет ненавистное облачение и швырнет его в камин!

Девушка устремила взгляд на двери гостиной.

Гость все еще слонялся в прихожей, но она не остановилась. Словно не обращая внимания на мужчину, она стала подниматься вверх по лестнице, чувствуя его взгляд на своей... спине – и это тоже было ужасно унижительно! Дойдя до своей опочивальни, Меган от души хлопнула дверью и бессильно прислонилась к ней. Когда кто-то постучался, бедняжка едва не лишилась чувств. Она боязливо приоткрыла дверь и выглянула в щелку. Это была Элеанор...

– Тебе нет нужды расстраиваться, детка, – сказала Элеанор. – Выпей немного виски и успокойся. Охотничий сезон начинается всего через пару недель.

И тут из-за спины хозяйки дома появилась Деворгилла, прижимавшая к глазам носовой платочек.

– Охотничий сезон? А это-то тут при чем? – недоумевала Меган. – Предлагаете мне пристрелить кавалера, таким образом с ним расквитавшись за обиду?

Деворгилла тотчас прекратила рыдать и приободрилась, однако Меган оскалилась:

– Поверь мне, мама, я не выйду за него, даже если он будет на коленях молить меня об этом!

– Да плевать нам на этого Россингтона! – стремительно согласилась Деворгилла. – Твоя тетушка Элеанор тут совершенно права: скоро сюда пожалует множество английских лордов. И твоя задача – подстрелить жирную дичь... Ну то есть завлечь кого-то из них. Ведь ты это имела в виду, Элеанор? Скоро здесь будет море достойных джентльменов, не менее красивых и состоятельных, чем этот... этот...

– Может быть, мне уехать в Лондон? – спросила Меган.

– В этом нет надобности. Скоро весь лондонский свет пожалует сюда, – улыбнулась Элеанор.

Меган вздрогнула как ужаленная:

– Неужели вы пригласили сюда еще гостей, вроде этого Россингтона? И их будет множество? Но, мама, я не желаю...

– Не глупи, Меган! Осенью в Шотландии знатная охота – они приедут по собственной воле! – Глаза Деворгиллы вновь плотоядно загорелись. – А ты... ты будешь просто приятным сюрпризом для них! Ну, очередной дичью...

– Совсем недалеко отсюда располагается охотничий домик лорда Мариона – милях в пяти, а домик лорда Берри – и того ближе. Многие английские лорды арендуют здесь охотничьи домики на сезон, – хихикнула Элеанор. – А ты, моя прелестная голубка, будешь просто сидеть и поджидать, покуда они не увидят тебя и не потеряют разум... Тебе вовсе не о чем тревожиться.

– Я вовсе не тревожусь! – воскликнула Меган, но ее, казалось, никто не услышал.

– Ну разумеется, все они потеряют голову! – воскликнула Деворгилла. – Ибо истинный джентльмен просто не может остаться равнодушным к столь прелестной девушке! Ну да, я рискнула, предложив Россингтону на тебе жениться.

– Очевидно, уже есть какая-нибудь графская дочка с хорошенькой мордашкой и недурным приданым тут, в Дандрамми, на которую он успел положить глаз! Ничего, у нас с тобой счет женихов пойдет на дюжины – и этот задавака и фат лорд Россингтон еще пожалеет, что поспешил! Мы с тобой заарканим герцога, не меньше... с годовым доходом в десять... нет, двадцать тысяч!

Глядя на лукавое выражение лица матери, Меган почувствовала дурноту. Она в ловушке!

– А что если граф Берри и лорд Марион уже женаты?

«...Боже, где ты, Ичэнн?»

– Во-первых, все наоборот: граф Марион и лорд Берри, – поправила Элеанор, – А во-вторых, это не имеет значения. С ними всегда приезжают сыновья, кузены и прочие высокородные приятели.

– Ну прямо перелетные птицы! – скривилась Меган. – А разве с ними не приезжают... н-ну... родственницы женского пола?

...Перед внутренним взором девушки возникла картина: стаи английских лордов вылетают из окон своих замков, подобно перелетным гусям: они курлычут, перья их лоснятся, а манеры... оставляют желать лучшего.

Элеанор хихикнула:

– Ну разумеется! Так что будьте поосторожнее в горах, чтобы охотники невзначай не приняли вас за тетерок! Бедняжка Бесси Фрейзер в том году была серьезно ранена...

Глаза матушки сверкали:

– А если с джентльменами придут их сестры и дочери – это еще лучше. Если ты подружишься с ними, то заполучить джентльмена будет еще легче!

– Но я не желаю выходить за англичанина! – объявила Меган сущую правду.

Но матушка замахала на дочь платочком:

– Не глупи, Маргарет! Ты же видела этого Россингтона, – графиня мечтательно вздохнула. – Какая статная фигура: высок, хорош собой, элегантен...

– И совершенно не желает на мне жениться! – подхватила Меган. – Если уж он так пришелся тебе по нраву, отчего бы тебе самой не выйти за него, мама?

– Я была бы несколько не против, – улыбнулась Деворгилла.

– Мама! – ахнула Меган, в ужасе глядя на вдовствующую графиню.

А та, подойдя к зеркалу, погладила себя по щеке, все еще гладкой и шелковистой, невзирая на возраст, и поймала в отражении изумленный взор дочери.

– А что? Я еще достаточно молода, чтобы вновь выйти замуж. А вам бы хотелось, чтобы я вышивала, сидя у окошка, и вздыхала о прошлом, как ваша тетушка Элеанор? Она уже больше похожа на старый дуб, нежели на женщину!

Мудрая Элеанор лишь усмехнулась, а Деворгилла вновь повернулась к дочери:

– Однако первейшая моя забота – выдать замуж вас, мои крошки! И Алану, и Сорчу... со временем. Ты – старшая, и твое замужество предопределяет будущее твоих сестер. Они, увидев, как ты счастлива со своим английским мужем, возжелают и себе подобной участи!

– А что... что если я буду счастлива в браке с шотландцем? – отважилась спросить девушка.

– Сердце должно подчиняться рассудку, – отрезала Деворгилла.

– Ну это если тебе не повезет, – вполголоса пробормотала Элеанор.

Сунув руку в кармашек, Меган нащупала тоненькое колечко, которое Ичэнн вручил ей в день своего отъезда. Она не смела его надевать. Девушка попыталась вспомнить его лицо, вкус его поцелуев... Но отчего-то перед ней маячило совсем другое лицо, с холодным и презрительным прищуром серых глаз. И Меган вновь обдало жаром. Наверное, то, что считается красивым в Шотландии, англичанам кажется безобразным...

Элеанор стиснула руку девушки:

– Не обращай внимания. Самое время нам отужинать, покуда не настало время завтрака! К чему пропадать сочному жареному мясу?

– Я не голодна, – сказала Меган.

Единственной ее мечтой было поскорее высвободиться из этих тягостных пут, пока они не задушили ее.

– Бедняжка Маргарет... я понимаю тебя, – вздохнула Деворгилла. – Твое бедное сердечко впервые разбито. Помню, как это было со мной... Я три дня куска проглотить не могла!

– Но дело не в... – начала Меган, однако смолчала. К чему объяснения? При чем тут разбитое сердце? Она просто зла, ужасно зла! – Просто у меня выдался трудный день.

– Тогда я прикажу принести тебе сюда чай и тосты. А завтра мы сообща составим список подходящих нам лордов – ну, из тех, кто приедет поохотиться – и будем ждать заслуженной награды! Полагаю, следует незамедлительно заказать модистке два... нет, лучше три охотничьих костюма!

Меган глядела вслед удаляющимся дамам, чувствуя, как цепенеет от ужаса. Если все будет так, как того желает матушка, дочь окажется под венцом, прежде чем первые снежинки запорхают в воздухе и упадут на здешние холмы и долины...

Надо было что-то делать. Девушка расхаживала взад-вперед по комнате и усиленно размышляла, что бы такое предпринять, чтобы стать самой *нежеланной* невестой во всей Шотландии. Впрочем, возможно, все английские джентльмены, подобно лорду Россингтону, найдут ее отвратительной?...

Однако эта мысль отчего-то вовсе не утешала.

Глава девятая

– Разумеется, развалины старого замка Глен Дориан нужно сровнять с землей! Английскому лорду вроде вас нужно что-то куда более современное – просторный и удобный охотничий домик, например, где вы будете проводить по нескольку недель ежегодно. Здесь, в горах Шотландии, великолепная охота! – говорил Ангус Грант, хитрый солиситор, к тому же ведающий делами недвижимости. – Охотиться здесь – сплошное удовольствие! Вы только поглядите вон на те леса! – Он указал на зелень, скрывающую почти половину долины. – Ну а если вы предпочитаете рыбалку, то можно приказать запустить в озеро форель.

Они сидели в коляске Кита, стоящей на склоне холма, и любовались видом на долину и руины замка Глен Дориан. День выдался теплый и солнечный, и над мрачными развалинами вовсю щебетали птицы. Озеро сверкало – такого глубоко-синего цвета Кита, пожалуй, еще не приходилось видеть, и он подумал, что не знает зрелища прекраснее... А если дойти до вершин холмов, окаймляющих долину, то взору откроется бесконечная цепь других горных озер, гор, поросших лесом, и даже узкая серебряная полоска морского побережья. А с другой стороны – там, куда хватает взгляда, – простираются горные вершины, покрытые снегом.

А здесь, в долине, царят мир и покой. Тут нет назойливых матушек с дочками на выданье, нет и глупых дебютанток. Кит всей грудью вдохнул чистый горный воздух.

– Я подумывал всего лишь пожить тут несколько месяцев, – сказал он солиситору.

– Но здесь же решительно негде остановиться! Тут лишь единственная небольшая хижина на склоне, ее прозвали хижинкой Майри... Сомневаюсь, что она пригодна для обитания: сколько лет-то прошло! – Ангус указал на маленький домик, сложенный из камня. – Замок Глен Дориан некогда был богат и роскошен, но в нем никто не живет вот уже лет семьдесят, а в хижине – более двадцати.

– Но почему? – спросил Кит.

Он сильно сомневался, что Ангус Грант, человек деловой, озабоченный лишь счетами, кассой и арендной платой, станет рассказывать ему сказки про древние проклятия.

Солиситор снял бобровую шапку и задумчиво почесал голову:

– Н-ну... после известной битвы жить в замке было запрещено: ведь его сожгли в наказание мятежникам-якобинцам. Но, говорят, леди Макинтош тут осталась и жила в этом вот самом каменном домишке, оберегая эту землю в надежде на возвращение супруга.

Он умолк, достал из внутреннего кармана флягу и протянул ее Кита, а когда тот отказался, сам сделал большой глоток.

– А что было потом? – живо поинтересовался Кит.

– Потом? Знаете, кое-кто говорит, что она и поныне его ждет, – прошептал Грант. Тут налетел порыв ветра, коляска слегка покачнулась на рессорах, и Грант, поежившись, вновь сделал глоток виски. – Дикие олени пасутся в долине, милорд, выдры и птицы живут подле озера, но никто более не нашел тут приюта. У замка нет наследника, который заявил бы о своих правах... Словом, замок ждет покупателя. Уверен, власти рады будут сбыть его кому-нибудь.

Кит задумался. Вряд ли он сможет предпринять поиски сокровища, не имея на то какого-либо законного права, договора об аренде к примеру, или прав собственника.

Ангус Грант извлек из кармана карандаш и написал на обрывке бумаги цифру.

– Думаю, этого будет достаточно, – сказал он, протягивая бумагу Кита.

Кит еще раз взглянул на домик. Он мирно стоял на склоне холма, маленькие окошки были обращены в сторону развалин замка – тот казался жалким, заброшенным, каким-то несчастным... Однако вполне подходил для того, чтобы провести в нем несколько недель – в качестве приключения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.